

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ

Language
and
Text

langpsy.ru

МГППУ

№1 (1) 2018 год

international
electronic
journal

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Балыгина Е.А. Круковская О.А.** Номинализация как средство повышения коммуникативного статуса обстоятельства в англо-русском переводе.....3
- Молнар А.А.** Фразеологические обороты с числовым компонентом «семь» и «восемь» в русском и венгерском языках.....11

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

- Абакумова О.В., Величкова Л.В.** Механизм анализа звучащих текстов.....18
- Воропаев В.А.** Записки доктора А.Т. Тарасенкова о последних днях жизни Н.В. Гоголя: научно-критический анализ.....23
- Карпенко И.Е.** Орнаментальная проза Серебряного века и «Заповедное слово» Алексея Ремизова.....55
- Махмудова С.М. Павлюк А.В.** Федор Достоевский. Страдания, облеченные во плоть.....61
- Милюков В.В.** Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное своеобразие и политическая подоплека.....73
- Осмонова Н.Ы.** О некоторых проблемах использования фразеологизмов в качестве художественных средств.....96

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

- Мазурина И.А.** Фольклорные образы в повести О.И. Сенковского «Записки домового».....104

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

- Бурлакова И.И.** Практика формирования социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку.....109

Балыгина Е.А., Круковская О.А.,
Номинализация как средство повышения
коммуникативного статуса обстоятельства в англо-
русском переводе
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 3-10.

Balygina E.A., Krukovskaya O.A.,
Nominalization as a means of increasing the
communicative status of an adverbial
modifier in English to Russian translation
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 3-10.

Номинализация как средство повышения коммуникативного статуса обстоятельства в англо-русском переводе

Балыгина Е.А.,

кандидат филологических наук, кафедра зарубежной и русской филологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, balygina@nextmail.ru

Круковская О.А.,

кандидат педагогических наук, кафедра зарубежной и русской филологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, okruk@bk.ru

В данной работе исследуются различные типы номинализаций в англо-русском переводе. Предикативный глагол в начале простого английского предложения в переводе может заменяться отглагольным существительным с целью смещения фокуса внимания на обстоятельство. В семантически осложнённом предложении номинализация обстоятельственной группы повышает её статус в коммуникативной структуре отдельного предложения и всего текста. В работе показано, что номинализация в англо-русском переводе является эффективной стратегией сохранения связности текста.

Ключевые слова: номинализация, перевод, фокус, рема, связность текста.

Для цитаты:

Балыгина Е.А., Круковская О.А. Номинализация как средство повышения коммуникативного статуса обстоятельства в англо-русском переводе [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Balygina_Krukovskaya.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Balygina E.A., Krukovskaya O.A. Nominalization as a means of increasing the communicative status of an adverbial modifier in English to Russian translation [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Balygina_Krukovskaya.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Номинализация, предполагающая замену глагола или прилагательного существительным, относится к числу самых распространённых трансформаций в англо-русском научном переводе.

Причины применения номинализации в переводе неоднократно обсуждались в научной литературе. Так, Е.В. Бреус в «Основах теории и практики перевода» указывает, что побудительным мотивом к номинализации служат не различия в способах грамматического оформления коммуникативной структуры, а существующая в русском языке «тенденция к номинализации или опредмечиванию действий и процессов, т.е. выражению их посредством отглагольных существительных, а не глагольных форм» [1].

Действительно, межъязыковые различия в сочетаемости лексических единиц и способах конструирования предложений являются одной из основных причин применения номинализации в переводе. Однако анализ переводческих соответствий в английском и русском научном текстах показывает, что нередко номинализация выступает и как способ перераспределения коммуникативного ударения в предложении. Например, при переводе предложения *They may treat pneumonia at home rather than in hospital.* (Лечение пневмонии может проводиться в домашних условиях, а не в больнице) замена глагола *treat* существительным *лечение* и семантически «пустым» глаголом *проводиться* позволяет сфокусировать внимание на коммуникативно значимых обстоятельствах *at home, in hospital*, уводя в область темы глагольное сказуемое *treat*.

Данная работа посвящена изучению стратегий применения номинализации в англо-русском научном переводе для адекватной передачи семантической и коммуникативной структуры предложения, в котором коммуникативное ударение падает на обстоятельство.

Прежде чем перейти к обсуждению номинализации как способа сохранения коммуникативной структуры предложения в переводе, стоит подробнее остановиться на особенностях семантики и синтаксического потенциала субстантивированных глаголов и прилагательных.

Первоначально в научной литературе предполагалось, что появление в языке такой гибридной формы как отглагольное существительное связано, прежде всего, с изменением его синтаксического потенциала (например, [4]). Приобретая иную морфологическую форму, такое существительное способно вступать в предложении в такие же отношения, что и предметные существительные.

С позиций когнитивного подхода номинализация изучается как языковое средство закрепления в когнитивной системе продукта переосмысления категориального значения глагола и прилагательного. В результате когнитивной обработки категориальных признаков исходных частей речи у отглагольного существительного возникает новое значение, в котором объединяются категориальные признаки процессуальности, темпоральности, свойственные глаголу, и признак предметности. Адъективное существительное сочетает в себе характеристики предметного существительного, обозначающего совокупность чувственно воспринимаемых признаков предмета, и прилагательного, описывающего отдельный статичный признак предмета [2],[3], [5].

Изменения на семантическом уровне, вызванные номинализацией, обуславливают способность девербативов и деадъективов реализовать следующие синтаксические и дискурсивные функции:

1.повышать референтную самостоятельность обозначаемого действия (признака), представляя его как некую стабильную сущность, имеющую границы [2],[3];

2.оформлять девербатив/деадъектив в составе свёрнутой пропозиции как целостную единицу, способную выступать в роли актанта другой пропозиции [6];

3.обозначать субъект или объект действия во включающей пропозиции, занимая позицию подлежащего или дополнения;

4.участвовать в перераспределении коммуникативного ударения в предложении, получая высокий уровень выделенности в роли темы или ремы высказывания;

5.участвовать в организации тематической линии текста, получая высокий уровень выделенности в позиции подлежащего;

б.представлять действие или признак без пространственно-временных характеристик, в отвлечении от деятеля или носителя признака [5].

С точки зрения переводческих задач особенно важной представляется способность номинализации изменять как синтаксический, так и коммуникативный статус пропозиции, оформляя её как подлежащее или дополнение главного предложения [6].

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие стратегии применения номинализации при переводе предложения, в котором в роли коммуникативного центра выступает обстоятельство.

(1)

Children develop in complex environments and are influenced by a variety of factors.

Развитие ребёнка протекает в сложной среде, в которой он подвергается воздействию разнообразных факторов.

В примере 1 сказуемое develop в переводе заменяется отглагольным существительным развитие и семантически «пустым» глаголом протекает, не получающим коммуникативного ударения. Вследствие этого фокус внимания сместится на коммуникативно значимое обстоятельство in complex environments.

Отглагольное существительное развитие представляет действие develop как стабильный признак объекта children, получая относительно высокую референциальную самостоятельность. Это позволяет включить ситуацию развитие ребёнка в более крупную структуру в роли объекта, которому приписывается новый признак протекает в сложной среде.

Сопоставим распределение коммуникативных ролей в предложениях, в первом из которых остаётся неизменной форма представления сказуемого develop (развивается), а во втором этот глагол заменяется девербативом развитие:

1. [Ребёнок]тема [развивается в сложной среде]рема.

2. [Развитие ребёнка]тема [протекает в сложной среде]рема.

Пример 1 иллюстрирует применение номинализации для подчёркивания коммуникативно значимого обстоятельства.

Особенную трудность в переводе могут представлять полипропозитивные конструкции, в которых наблюдается несоответствие высокого статуса пропозиции в синтаксической структуре и её относительно низкой коммуникативной значимости.

(2)

The study of attachment relationships in adults focuses on the internal working model of social relations, which has changed, developed, and become far more elaborate as the years have passed. We may be able to get at that model more effectively by talking about relationships, rather than by looking at overt behavior. The Adult Attachment Interview is a way to do this.

В центре внимания данного исследования, изучающего привязанность среди взрослых людей, находится внутренняя рабочая модель социальных отношений, которая изменяется, развивается и усложняется по мере взросления человека. Более эффективным способом выявления этой модели может оказаться не наблюдение за поведением, а беседа об отношениях, проведённая с помощью «Интервью о привязанности для взрослых людей».

В примере 2 применение номинализации в переводе связано с необходимостью выделения обстоятельства, выраженного герундиальным оборотом *by talking about relationships, rather than by looking at overt behavior*.

Свёртывание пропозиции, представленной в оригинале предложением *We may be able to get at that model more effectively*, даёт возможность изменить синтаксический статус этой конструкции, оформив её как группу подлежащего более эффективным способом выявления этой модели.

Пример 2 показывает, что номинализация, повышая статус обстоятельства в синтаксической иерархии, одновременно выделяет это обстоятельство как рему предложения.

Важно учитывать, что свёртывание начальной пропозиции, занимающей в переводе позицию подлежащего, позволяет подчеркнуть её значение в организации тематической линии текста. Иначе говоря, представление начальной пропозиции в роли подлежащего характеризует её как тематически значимую.

Номинализация может применяться и в тех случаях, когда не наблюдается несоответствия статуса в синтаксической иерархии и уровня коммуникативной значимости пропозиции. Так, в примере 3 в роли темы выступает начальная пропозиция, оформленная как придаточное предложение *even if they knew that they were confused*, а в роли ремы пропозиция, выраженная предикативной группой главного предложения *they would be less confused*.

(3)

People making these confused responses might or might not feel confused in making their assessments. Even if they knew that they were confused, it is unlikely that they would be less confused in encountering such terms in reading or listening to political communications.

Люди, дающие ошибочные ответы, могут как сомневаться, так и быть уверенными в правильности своих оценок. Но даже осознание ими своей ошибки вряд ли может привести их к более правильной интерпретации терминов при дальнейшем прослушивании и просмотре политических программ.

В примере 3 замена обстоятельства, представленного придаточным предложением *even if they knew that they were confused*, именной группой даже осознание ими своей ошибки, позволяет включить его в состав главного предложения в роли подлежащего. Такое преобразование делает более понятными смысловые связи между пропозициями исходного предложения, одновременно повышая тематическую значимость начальной пропозиции.

(4)

The most important feature of Somatization Disorder is a pattern of recurring, clinically significant somatic complaints. By being clinically significant, the somatic complaints must result in some form of medical treatment.

Одним из основных признаков соматического расстройства является наличие повторяющихся клинически значимых жалоб. Клиническая значимость жалоб обуславливает необходимость оказания медицинской помощи в той или иной форме.

В примере 4 герундиальный оборот *by being clinically significant* приписывает динамический признак подлежащему *the somatic complaints*. Ситуация, в которой предмет *the somatic complaints* обладает признаком *clinically significant*, служит причиной события *some form of medical treatment*. В переводе каузативные отношения между ситуациями, обозначаемыми герундиальным оборотом *by being clinically significant* и дополнением *some form of medical treatment*, оформляются с помощью простого предложения. Это позволяет

упростить структуру исходного предложения и повысить связность текста, подчеркнув тематическую значимость обстоятельства *by being clinically significant*.

Необходимо отметить, что герундий в лингвистике считается номинализированной формой глагола, обладающей многими категориальными признаками существительного. В примерах 2 и 4 можно говорить о номинализации только в том смысле, что в результате замены в переводе герундия существительным, признак предметности, свойственный герундию, выдвигается на первый план.

Итак, в простых предложениях (пример 1), в которых предикат имеет низкую коммуникативную значимость, а коммуникативное ударение падает на обстоятельство, глагольное сказуемое в переводе заменяется существительным, занимающим позицию подлежащего, и семантически «пустым» глаголом. В полипропозитивных предложениях (примеры 2-4) начальная пропозиция сворачивается и оформляется как подлежащее, имеющее высокую тематическую значимость. Вторая пропозиция, занимая позицию сказуемого, получает выделение как рема высказывания.

Принимая решение о применении номинализации в переводе, следует учитывать следующие различия в способах реализации коммуникативной структуры предложения и текста:

1. В английском языке в простых предложениях существует тенденция оформлять действие как предикат предложения даже в условиях высокой коммуникативной значимости обстоятельства; в русском языке такой предикат обычно принимает форму отглагольного существительного в начальной позиции.

2. В английском языке в полипропозитивных предложениях начальная пропозиция, отвечающая за связь с предшествующим текстом и представляющая тему высказывания, может иметь более высокий синтаксический статус, чем пропозиция, получающая основное коммуникативное ударение; в русском языке тематически значимая начальная пропозиция обычно свёртывается и занимает позицию подлежащего, позволяя сфокусировать внимание на коммуникативно значимой информации.

Номинализация предикативного глагола/прилагательного, изменяющая их коммуникативный статус, может рассматриваться как эффективная стратегия преодоления в переводе межъязыковых различий в способах грамматического оформления коммуникативной структуры предложения и текста.

Литература

1. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский : Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
2. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации : автореферат дис. доктора филологических наук : 10.02.19 / Моск. гос. лингвист. ун-т. Москва, 2005. 50 с.
3. Ирисханова О. К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // Жизнь человека и этноса в языке : сб. науч. ст. / Вестник МГЛУ, серия «Языкознание». М. : РЕМА, 2010. С. 27-44.
4. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. литературы, 1962. С. 57-70.
5. Шарандин А.Л. К вопросу о языковом статусе девербатов // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. М. : Языки славянских культур, 2009. 856 с.

Балыгина Е.А., Круковская О.А.,
Номинализация как средство повышения
коммуникативного статуса обстоятельства в англо-
русском переводе
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 3-10.

Balygina E.A., Krukovskaya O.A.,
Nominalization as a means of increasing the
communicative status of an adverbial
modifier in English to Russian translation
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 3-10.

6. *Halliday M.A.K., Martin J.R.* Writing Science. Literacy and Discursive Power. London / Washington : The Falmer Press, 1993.

Nominalization as a means of increasing the communicative status of an adverbial modifier in English to Russian translation

Balygina E.A.,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, balygina@nextmail.ru

Krukovskaya O.A.,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, okruk@bk.ru

In this paper, various types of nominalizations are examined in English to Russian translation. A predicative verb at the beginning of a simple English sentence can be replaced by a deverbal noun in translation in order to shift the focus of attention to an adverbial modifier. In a semantically complicated sentence, the nominalization of an adverbial phrase increases its status in the communicative structure of a particular sentence and the entire text. The study showed that the nominalization in English to Russian translation is an effective strategy for preserving the coherence of the text.

Key Words: nominalization, translation, focus, rheme, text coherence.

References

1. Breus E.V. Osnovy` teorii i praktiki perevoda s russkogo yazy`ka na anglijskij : Uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. i dop. [Fundamentals of the Theory and Practice of Russian-English Translation : Teaching aid. 2-nd edition, revised and corrected]. Moscow : Publ. URAO, 2000. 208 p.
2. Iriskhanova O. K. Lingvokreativny`e osnovaniya teorii nominalizacii : avtoreferat dis. doktora filologicheskix nauk : 10.02.19 / Mosk. gos. lingvist. un-t [Linguocreative Basis for the Theory of Nominalization : extended abstract of doctoral dissertation : 10.02.19 / Moscow State Linguistic University]. Moscow, 2005. 50 p.
3. Iriskhanova O. K. O yazy`kovej gibrizacii, leksicheskix gibridax i fokuse vnimaniya [On the issue of language hybridization, lexical hybrids and focus of attention] // Zhizn` cheloveka i e`tnosa v yazy`ke : sb. nauch. st. [Human Life and Ethnic Group in Language : collection of scientific articles] / Vestnik MGLU. Ser. «Yazy`kovedenie» [MSLU Bulletin. Series: Linguistics]. Moscow : Publ. REMA, 2010, pp. 27-44.
4. Kurilovich E. Derivaciya leksicheskaya i derivaciya sintaksicheskaya [Lexical derivation and syntax derivation] // Oчерки по лингвистике [Essays on Linguistics]. Moscow : Publ. Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1962, pp. 57-70.
5. Sharandin A.L. K voprosu o yazy`kovom statuse deverbativov [To the issue of the linguistic status of deverbatives] // Gorizonty` sovremennoj lingvistiki : Tradicii i novatorstvo : sb. v chest` E.S. Kubryakovoj [Perspectives of modern linguistics : Traditions and innovation : a collection in honor of E.S. Kubryakova]. Moscow : Publ. Jazyki slavjanskix kul'tur, 2009. 856 p.

Балыгина Е.А., Круковская О.А.,
Номинализация как средство повышения
коммуникативного статуса обстоятельства в англо-
русском переводе
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 3-10.

Balygina E.A., Krukovskaya O.A.,
Nominalization as a means of increasing the
communicative status of an adverbial
modifier in English to Russian translation
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 3-10.

6. Halliday M.A.K., Martin J.R. Writing Science. Literacy and Discursive Power. London / Washington : The Falmer Press, 1993.

Фразеологические обороты с числовым компонентом «семь» и «восемь» в русском и венгерском языках

Молнар А.А.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления ИГСУ РАНХ и ГС, г. Москва, Россия, lomnar@mail.ru

В статье проводится лингвокультурологический анализ фразеологических оборотов с числовым компонентом «семь» и «восемь» в русском и венгерском языках, устанавливаются категории фразеологизмов, приводятся их характеристики и свойства, сравнивается грамматическая структура, исследуются возможные гипотезы, объясняющие возникновение устойчивых выражений с данными числовыми компонентами.

Ключевые слова: фразеологический оборот, числовой компонент, русский, венгерский, категория, объяснение.

Для цитаты:

Молнар А.А. Фразеологические обороты с числовым компонентом «семь» и «восемь» в русском и венгерском языках [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Molnar.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Molnar A.A. Phraseological turns with a numerical component "seven" and "eight" in Russian and Hungarian [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Molnar.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Фразеологические и идиоматические выражения зачастую отражают менталитет и помогают проникнуть в культуру другого народа. Общепринято считать, что фразеологизмы в каждом языке являются самобытным и неповторимым явлением, вбирая в себя, переосмысливая и перерабатывая многовековой исторический и жизненный опыт, отражая тем самым своеобразие культуры каждого народа.

Основная цель лингвокультурологического направления в исследовании фразеологических единиц – найти те способы и средства, с помощью которых реальность культуры и жизни нации отражается, «воплощается» во фразеологических единицах. В теории фразеологии лингвокультурологический взгляд на языковые знаки получил обоснование в работах В.Н. Телия и ее научной школы. Согласно концепции В.Н. Телия, лингвокультурология призвана изучать живые коммуникативные процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом, действующим в определенную культурную эпоху [2].

Целью данной статьи является выявление роли числительных «семь» и «восемь» при образовании фразеологизмов в русском и венгерском языках.

Имя числительное, попадая в устойчивое выражение, как правило, теряет свое количественное значение и выступает либо как символ значимого по своему культурно-

историческому употреблению в данном языке числа, либо имеет под собой какое-то более конкретное, практическое основание. Оно может иметь переносное значение, ассоциируя даже с формой написания числительного, и приобретает ряд стилистических черт, окрашиваясь образностью и эмоциональностью.

Фразеологизмы можно объединить в следующие тематические группы (по классификации Р.И. Яранцева) [3, с. 6]:

- a) характеристика действий и поведения человека: Брать себя в руки, строить из себя;
- b) характеристика эмоционального состояния человека: Вне себя, рвать на себе волосы;
- c) характеристика явлений и ситуации: Везти на себе;
- d) характеристика свойств и качеств человека: Верный себе, сам себе голова.

По своим грамматическим характеристикам фразеологизмы с числовым компонентом в русском языке в большинстве случаев строятся с глаголом и выполняют в предложении функцию сказуемого: ставить на одну доску, играть вторую скрипку, и др.

Главным образом, такие фразеологические выражения являются однозначными, однако в некоторых случаях либо имеют ряд значений, либо меняют значение в ходе естественного развития языка. В основном они общеупотребительны, относятся к разговорному стилю литературного языка.

Методом выборки из 'Словаря русских фразеологизмов' под ред. Молоткова мы определили, что компонент '7' содержится в достаточно значительном количестве фразеологических оборотов русского языка. Методом анализа с применением к данным фразеологическим оборотам классификации Р.И. Яранцева, устанавливаем следующее:

семь пятниц на неделе – 'Кто - либо часто, легко меняет свои решения, намерения, настроения и т. п.' - [1, с. 415], (характеристика действий и поведения человека). Так говорят о тех, кто постоянно меняет свое мнение, а также о тех, кто не выполняет своих обещаний. Происхождение фразеологизма, вероятно, взято из старинной торговой практики на Руси. По пятницам в торговый день обычно заключали устные договоры. Исполнить договор следовало в течение недели. Если один участник не выполнял свое обязательство, про него говорили, что у него «семь пятниц на неделе», то есть время на обещания у него есть, а времени на исполнение обещаний – нет.

семь верст до небес, и все лесом - 'Очень много наговорить, наобещать' - [1, с. 60], (характеристика явлений и ситуаций); выражение употребляется для обозначения длинной и бессодержательной речи, в которой не ясна основная мысль.

за семь верст киселя есть – 'Далеко и попусту идти, ехать, тащиться и т. п. куда – либо' - [1, с. 195], (характеристика действий и поведения человека); В старину ходили на поминки на далекие расстояния, отсюда и пошло это выражение. Другое значение - ходить очень далеко за пустым, неважным делом.

В обоих фразеологических оборотах используется древняя русская единица измерения расстояния – верста, которая была равна пятистам сажням или тысяче пятистам аршинам (что соответствует нынешним 1066,8 метра). Очевидно, в обоих выражениях присутствует образ большого расстояния.

сдьмая [десятая] вода на киселе – 'Очень дальний родственник' - [1, с. 73], (характеристика свойств и качеств человека); Дальняя родня. Выражение происходит от старинного способа приготовления киселя. По рецепту, цельное зерно овса замачивалось в горячей воде. Первая вода вымывала больше всего крахмала, вторая меньше, третья еще меньше. Сдьмая вода мало отличалась от обычной воды.

попадать на седьмое небо – ‘Испытывать чувство блаженства’ - [1, с. 342], (характеристика эмоционального состояния человека); С давних пор в христианской традиции, и даже еще раньше, чувство счастья, блаженства ассоциировалось с небом. Так, первоисточник — сочинение «О небе» древнегреческого философа Аристотеля (384—322 до н. э.), который говорит в нем об устройстве небесного свода, полагал, что небо состоит из семи неподвижных кристалльных сфер, где расположены звезды и планеты. Видимо, это представление было очень распространенным в древности, т.к. на седьмой сфере, самой дальней от Земли, церковь помещала «рай», «царствие небесное». О семи небесах неоднократно говорится и в Коране. И сам Коран, как считается по исламской традиции, был принесен ангелом именно с седьмого неба. Выражение, образованное по тому же типу, есть и в Библии (Новый Завет, Второе послание апостола Павла к Коринфянам, гл. 12, ст. 2): «...Восхищен был до третьего неба».

семи пядей во лбу – ‘Очень умный, выдающийся’ - [1, с. 373], (характеристика свойств и качеств человека); Так говорят про очень умного человека, подразумевая, что чем выше лоб, тем умнее человек. Однако же мало кто представляет себе человека с таким лбом: пядь (или четверть) – старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами руки (более 17 см).

согнать семь потов – ‘Изнурять, изматывать тяжелой работой’ - [1, с. 415], (характеристика действий и поведения человека).

Таким образом, мы видим, что большая часть русских фразеологизмов действительно строится с глаголом и относится к категории характеристики действий и поведения человека.

Интересным фактом является то, что в русском языке словарь не фиксирует ни одного фразеологизма с компонентом ‘8’, который играет большую роль в образовании устойчивых выражений в венгерском языке, где находим значительно меньше фразеологизмов с числовым компонентом ‘7’.

Nekem nyolc! Мне восемь! – устойчивое выражение повседневной речи, означает: «мне все равно!» Употребляется и в парадигме склонения местоимения: тебе все равно, ему все равно и т. д.: Neked nyolc! Neki nyolc! и т.п. Аналогичные выражения: Nekem fél kilenc! – мне полдевятого! Közöd – nulla! – тебе ноль! (т.е. тебе не должно быть до этого дело, это не твое дело). [5]. По классификации Р.И. Яранцева, фразеологизм принадлежит к категории «характеристика эмоционального состояния человека».

Объяснение происхождения выражения с использованием данного числового компонента находим у нескольких венгерских лингвистов. Сабо Золтан (Szabó Zoltán) в своей работе «Винительный падеж» («A tárgyi helyzet»), объясняет вероятность использования числительного ‘8’ в значении «все равно» потому, что и сверху, и снизу пишется у него одно колечко, то есть что сверху, что снизу – все равно. [7]. Хофман Отто (Hoffman Ottó) в своем «Словаре студенческого сленга» дает примерно такое же объяснение: Если 8 перевернуть вверх ногами, значение его не изменится. [5]. Третье объяснение встречаем у Бороша Йожефа и Сютц Ласло (Boross József, Szűts László): эти исследователи считают, что если числительное 8 повернуть на 90 градусов, то получается математический знак бесконечности «∞», то есть мне абсолютно, до бесконечности все равно. С этим объяснением связаны и другие похожие выражения: a nyolcas fekvő, или fekvő nyolcas – лежащая восьмерка, в значении: бесконечный. Это, конечно, не то же самое значение, что у выражения мне все равно - Nekem nyolc!, однако же и оно относится к тому же семантическому ряду, основываясь на смежном переосмыслении числительного ‘8’. [4]. Еще одно объяснение встречаем у Киш Томаша (Kis Tomás), который толкует выражение в его дословном значении: Nekem nyolc! – Nyolc napom van hátra – у меня осталось восемь дней, т.е. нет спешки с принятием решения. [6].

В целом из вышеприведенных объяснений следует, что значение выражения *Nekem nyolc!* является следствием переосмысления формы числительного '8', которое влечет за собой возникновение еще некоторых устойчивых выражений, таких, как *fekvő nyolcas*, где просматривается сходство числительного с математическим знаком бесконечности.

Azt a hét meg a nyolcat! – Эту семерку и восьмерку! Это устойчивое выражение, также из повседневной речи, происходит от более грубого *azt a hétszentségit!* – семь раз чёрт поberi!, которое впоследствии обрело более мягкую форму, сохранив в своем составе «семь», но заменив грубые слова разговорного стиля на следующее в ряду числительное «восемь». Таким образом, восемь не несет в данном выражении никакой смысловой или образной нагрузки, но является просто заменой другого слова, как ближайшее по положению в ряду числительных. Выражение также относится к категории «эмоциональных»

Другими выражениями, в состав которых входит числительное '8', являются: *megmutatja valakinek, hány a nyolc!* – покажи ему, где раки зимуют! (буквально: покажи ему, сколько будет восемь!) И: *megtudja, hány a nyolc!* – вот и увидит, где раки зимуют! (буквально: узнает, сколько будет восемь!) – вот и увидит, где раки зимуют! Это скорее категория «характеристика действий и поведения человека», выражение является угрозой, оно, безусловно, несет на себе и сильную эмоциональную окраску.

Nálunk is több a hét a nyolcnál! – буквально: и у нас семь больше, чем восемь. Значение выражения: и у нас тоже дела обстоят не благополучно, у нас тоже не все в порядке. Фразеологизм относится к категории «характеристика явлений и ситуаций». В данном устойчивом выражении смысл абсолютно понятен: нарушен порядок следования числительных. Но почему же берутся именно эти числительные, тогда как можно было бы сравнить два и три, три и четыре и так далее?

Здесь мы видим, как устойчивые выражения в языке, как и в предыдущих выражениях, оперируют именно числительными '7' и '8'. Одно из возможных объяснений может заключаться в том, что испокон веков эти числительные имели в языке скрытое мистическое, символическое значение. Например, духовное нумерологическое значение числа «семь» - это удача: многими народами мира в различных религиях оно всегда считалось, а многими и сейчас считается, счастливым числом, числом удачи. Известно, что в Библии, при сотворении мира, седьмой день является днем отдыха Творца, т.е. седьмой день ассоциируется с достижением своей цели, с отдыхом.

Нумерология числа 8 построена вокруг понимания того, что всё в мире меняется по форме, но не меняется по сути, ничего нового нет и не будет. Число '8' - это олицетворение спокойной, терпеливой мудрости, восемь в языке чисел олицетворяет ту вечную истину, что всё повторяется, и нет под небом ничего нового. Если вспомнить Библейскую историю, то цифра «восемь» и там имеет большое значение: восемь человек выжили после Всемирного потопа, восьмой день считается днем будущего века. Никто пока не знает, что будет в этот восьмой день, и именно это значение восьмого дня может лежать в основе выражений: *megmutatja valakinek, hány a nyolc!* – покажи ему, что такое восемь! И: *megtudja, hány a nyolc!* – вот и увидит, что такое восемь!

Таким образом, за числительными '7' и '8' стоит многовековая традиция, которая уходит корнями глубоко в мистическую и религиозную практику древних времен. В современном языке эти образы уже, конечно, стерлись, но именно они могут объяснить присутствие данных числительных во многих устойчивых выражениях, где без подобного обращения к культурологическим корням народов их присутствие просто необъяснимо.

На воровском жаргоне слово *nyolcas* означает вора, а выражение *nyolcra vesz* – означает «обворовать» (дословно: взять на восемь). Такое значение числительного находим в словаре

воровского жаргона Сирмой Иштвана (Szirmai István), который, однако, не объясняет происхождение выражения [8]. Принадлежит оно к категории «характеристика действий и поведения человека».

Vizes nyolcas – дословно: «мокрый восьмой». Выражение, предположительно, происходит от Vizes nyolcast rajzol – в былые времена, когда полы в комнате или на террасе делались из утрамбованной глины, для того, чтобы их украсить, некоторые наносили на пол изрядное количество воды, чтобы размягчить глину, а затем рисовали на полу различные линии; одним из популярных узоров была форма восьмерки. Возможно, по ассоциации с этой черной работой выражение vizes nyolcas стало обозначать «слугу», «мальчика на побегушках в торговой лавке». В 90-х годах выражение стало попадаться в литературе как характеристика человека, в значении: «ни то, ни се», «ни рыба, ни мясо», либо слабхарактерный, мягкотелый человек, подхалим, приспособленец: Olyan vizesnyolcas ember! – Такой приспособленец! И нашим, и вашим! Встречается это выражение даже в прессе 90-х: в газете Magyar Nemzet от 15 октября 1997 года читаем о российском президенте Горбачёве: «Már a nyolcvanas években mondogattam, vizesnyolcas ez a Gorbí...» (Gorbacsov). – «Еще в 80-х говорил я: этот Горбачёв – и нашим, и нашим...» Фразеологизм этот можно отнести к категории «характеристика свойств и качеств человека».

Таким образом, наше исследование позволяет констатировать, что употребительность тех или иных числовых компонентов в русском и венгерском языках является неодинаковой, что позволяет предполагать, что числительные имели различную культурно-историческую окрашенность. Кроме того, в русском языке выявляется более однозначная склонность к употреблению числовых фразеологизмов в глагольных сочетаниях, тогда как в венгерском преобладают именные и местоименные сочетания, а также прилагательные (в русском языке обнаруживаем фразеологизмы с компонентом '7' в форме прилагательного только в сочетании с другими существительными: седьмое небо, седьмая вода на киселе).

Фразеологизмы венгерского языка несут большую эмоциональную нагрузку, т.к. большинство фразеологических единиц относится к категории «эмоциональное состояние», и даже выражения, принадлежащие к категории «характеристика действий и поведения человека», одновременно выражают и напряженное эмоциональное состояние.

Устойчивые сочетания с числовым компонентом занимают особое место среди фразеологизмов каждого языка, отражая особенности мышления и языковой картины мира каждого этноса. Проведенное исследование позволяет увидеть культурные сущности, отразившиеся и закрепившиеся в каждом языке различными способами, а также установить разницу восприятия количественных компонентов '7' и '8', их различную роль в культуре и восприятии русского и венгерского народов.

Литература

1. Молотков А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
3. Яранцев, Р.И. и др. Русская фразеология. Словарь-справочник. М.: Русский язык, 2001 г. 845 с.
4. Boross József, Szűts László. A mai argó kisszótára. Belügyminisztérium, IPV, Budapest, 56 p.
5. Hoffman Ottó, Mini-tini szótár. A mai diáknyelv szinonimaszótára. University Press, Pécs, 1996. 118 p.
6. Kis Tomás. Bakaduma: a mai magyar katonai szleng szótára. - Zrinyi, Budapest, 1992, 391p.

Молнар А.А.,
Фразеологические обороты с числовым компонентом
«семь» и «восемь» в русском и венгерском языках
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 11-17.

Molnar A.A.,
Phraseological turns with a numerical
component "seven" and "eight" in Russian
and Hungarian
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 11-17.

7. *Szabó Zoltán*. A tárgyi helyzet. Cserepfolvi, Budapest, 1986. 197 p.
8. *Szirmay István*. A Magyar tolvaynyelv szótára. Béta Irodalmi Rt. Kiadása, Budapest, 2013, 65 p..

Phraseological turns with a numerical component "seven" and "eight" in Russian and Hungarian

Molnar A.A.,

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia, lomnar@mail.ru

The article examines the way phraseological units with numerals '7' and '8' in Russian and Hungarian represent native speakers mentality. We focus on the difference in categories to which phraseological units in both languages belong, analyze their style characteristics, compare the grammar structure and concentrate on the possible explanations as for how the numeral components appeared in the phraseological units.

Key Words: phraseological units, numeral component, Russian, Hungarian, category, explanation.

References

1. Molotkov A.I. and others. Russian phraseology dictionary. Moscow, Soviet Enciklopedia, 1968. 543 p. .
2. Teliа V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguacultural aspects. Moscow: Russian culture languages, 1996. 288 p.
3. Yarantsev R.I. and others. Russian phraseology. Referential dictionary. Moscow: Russian language, 2001, 845 p..
4. Boross József, Szűts László. Modern jargon dictionary. – Ministry of the Interior , IPV, Budapest, 56 p.
5. Hoffman Ottó, Mini-tini dictionary. Students modern slang synonym dictionary. University Press, Pécs, 1996. 118 p.
6. Kis Tomás. Bakaduma: Hungarian soldiers modern jargon dictionary. Zrinyi, Budapest, 1992. 391 p.
7. Szabó Zoltán. The accusative case. - Cserepfolvi, Budapest, 1986. 197 p.
8. Szirmay István. Hungarian thieves jargon dictionary. Béta Irodalmi Rt. Kiadása, Budapest, 2013, 65 p..

МЕХАНИЗМ АНАЛИЗА ЗВУЧАЩИХ ТЕКСТОВ

Абакумова О.В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, olga.abakumova16@gmail.com

Величкова Л.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, luvel1@mail.ru

В работе представлен механизм анализа звучащих текстов на материале спонтанных текстов (телевизионных интервью на русском, немецком и испанском языках). Теоретической основой к предлагаемому экспериментальному подходу служит теория речевой деятельности и исследования в области психолингвистики. Единицами, подвергающимися анализу, служат ритмико – интонационные параметры речи как существенные с точки зрения их функции в процессе порождения и восприятия речи. Сопоставительный характер исследования позволяет выделить универсальные и национально – специфические признаки спонтанной речи.

Ключевые слова: текст; спонтанная речь; порождение и восприятие высказывания; эмоциональность; ритмико-мелодические параметры, русский, немецкий и испанский языки.

Для цитаты:

Абакумова О.В., Величкова Л.В. МЕХАНИЗМ АНАЛИЗА ЗВУЧАЩИХ ТЕКСТОВ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Abakumova_Velichkova.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Abakumova O.V., Velichkova L.V. MECHANISM OF ANALYSIS OF SOUND TEXTS [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Abakumova_Velichkova.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Лингвистическая наука на современном этапе своего развития проявляет возросший интерес к изучению параметров звучащей речи. Ввиду того, что основные позиции анализа текста сложились в лингвистике на материале письменных текстов, задача исследования звучащих текстов вызвала необходимость разработки механизмов анализа. Складывается мнение о необходимости междисциплинарного подхода к исследованию звучащего материала, т.е. обращение к данным психолингвистики и теории эмоциональности. Актуальность данного исследования определяется его направленностью на выявление механизмов анализа звучащих текстов в их наиболее сложной форме – спонтанные тексты (на материале телевизионных интервью). Сопоставительный характер исследования позволяет выделить универсальные и национально – специфические признаки спонтанной речи.

Психолингвистика, берущая свое начало в теории речевой деятельности, изложенной в трудах отечественных ученых, видит своей главной задачей исследование процессов порождения и восприятия речи. Формируется представление о речи как о процессе, «трактовка ее как определенного вида деятельности, а именно как речевой деятельности»

(Леонтьев 1969 (1): с.18 -20). В моделях, представляющих эти процессы, единицы различных уровней языка изменяют функции и значимость в иерархии модели. При рассмотрении процессов порождения и восприятия речи обнаруживаются различия единиц языка по этим характеристикам. Ритмико - интонационные параметры речи с психолингвистической точки зрения обладают рядом существенных функций. В то время как в лингвистическом анализе текста эти параметры рассматриваются на завершающем этапе: читатель воспринял текст в его графическом виде, а исследователь может представить его звучащую форму или располагает записью текста, психолингвистический подход изменяет ракурс анализа. Параметры звучащего текста рассматриваются с точки зрения их функции в процессе порождения и восприятия речи. В известных психолингвистических моделях ритмико – мелодическим параметрам отводится существенная роль уже на начальных этапах как порождения, так и восприятия речи. В описаниях этих моделей рассматриваемые нами параметры обозначаются различными терминами: ритмико – тонические представления (Леонтьев 1969(2),с. 221 - 222), ритмический генератор речи (Timing - Impulse - Rhythm - Generator) (Lashley 1951 p. 126-135) и др. Кроме того, что ритмико-мелодические параметры участвуют в формировании каждого речевого высказывания, выбор их также определяет жанр, в котором реализуется речь, и передает эмоциональное состояние говорящего.

Наиболее сложным для исследования жанром речи является спонтанная речь. «Спонтанная речь есть речь неподготовленная, осуществляемая говорящим в постоянно (иногда ежеминутно) меняющихся коммуникативных условиях» (Тезекбаева 2011, с. 76). Таким образом, спонтанная речь является иллюстрацией продукта мыслительной деятельности человека, поставленного в определенные условия (например, интервью, где ответ опрашиваемого зависит от трактовки поставленного вопроса).

Получение материала спонтанной речи является одной из проблем экспериментальной психолингвистики. С учетом описанного В. Лабовым «парадокса наблюдателя» (Labov 1972, p. 209), для эксперимента доступна так называемая квазиспонтанная речь. Интервью, в частности телевизионные интервью, являются наиболее доступным видом речевого материала. Эти тексты представляют различные степени спонтанности и эмоциональной напряженности речи. Спонтанная речь является иллюстрацией продукта речевой деятельности человека, поставленного в определенные условия (например, интервью, где ответ опрашиваемого зависит от трактовки поставленного вопроса). Речь говорящего (опрашиваемого) демонстрирует изменения его речевого поведения в зависимости, прежде всего, от ситуативности и специально организованной структуры интервью, а также от реакции самого опрашиваемого на ряд вопросов определенной тематики. Звучащая речь всегда носит эмоциональный характер: в первую очередь слушатель определяет речь по признаку «нейтральная - эмоционально окрашенная». В связи с этим особую значимость приобретает изучение средств, ответственных за передачу эмоциональной информации. Перспективным с этой точки зрения представляется изучение спонтанной речи (как наиболее естественной и распространенной разновидности речевой деятельности) с ярко выраженными колебаниями уровня эмоциональной насыщенности.

Основным методом исследования является перцептивный и аудитивный анализ звучащей речи для выявления ритмико-интонационных параметров речи. Под ритмом языка понимают «равномерное, закономерное чередование соизмеримых и чувственно ощутимых элементов» [МСЭ, с. 1122). Это количество слогов от паузы до паузы, которое выделяет носитель языка. Важны такие характеристики РГ, как протяженность и ритмическая структура (положение ударного слога). В аудитивный анализ ритмических параметров мы включаем паузы любого характера, в том числе заполненные паузы, положение ударного слога в ритмической группе, количество ударных слогов в ритмической группе при появлении добавочных ударений и дистанцию между ударными слогами. В проведении аудитивного анализа принимают участие носители языка с опытом экспериментальной работы со

звучащими текстами. Если необходимо мнение так называемых наивных носителей языка, прежде всего для оценки эмоционального состояния, выраженного в звучащем тексте и степени выраженности эмоции, а также для определения пауз и места ударностей более широким кругом испытуемых, такой анализ в нашей терминологии получает название «перцептивный».

Ритмические структуры могут быть в перцептивном анализе речи охарактеризованы с точки зрения степени выраженной эмоциональности говорящего. Так как при этом может иметься в виду эмоциональность различной характеристики, мы для обозначения этого свойства выбираем признак «напряженность». Определенные ритмические структуры и их сочетания могут обладать признаком «напряженность» безотносительно к их лексическому наполнению. Механизм исследования, позволяющий проследить эту функцию ритма с получением данных лингвистического характера, состоит из следующих этапов:

1.Выявление частотных ритмических групп в различных типах текстов, прежде всего в спонтанной речи. Анализ (аудитивный) основан на восприятии ритмических параметров речи группой аудиторов, состоящих из наивных носителей языка и фонетистов.

2.Выявление признака «напряженный»/«ненапряженный» на основании метрических параметров ритмических групп.

Русский и немецкий языки обнаруживают особенности при выражении признака «напряженный»/«ненапряженный». Материалом для исследования послужило интервью – диалог, который журналист телевидения ФРГ взял у представителей русской и немецкой культур, известных писателей и общественных деятелей Льва Копелева и Генриха Бёлля (Величкова 2007). Диалог ведется на немецком языке, который для Генриха Бёлля является родным, Лев Копелев хорошо владеет немецким языком, это относится и к параметрам звучащей речи.

Для немецкой спонтанной речи в стиле «диалог-размышление», который преобладает в тексте этого интервью, объем ритмических групп (РГ) колеблется в промежутке 4 -7 слогов. Характерно положение ударного слога в середине ритмической группы (РГ) с тенденцией к перемещению на конец фразы. Сигналом напряженности речи говорящего служит начальное положение ударного слога, увеличение количества ударных слогов и пауз в речи, то есть «дробление» ритмических групп. Таким образом, ритмические параметры позволяют по звучащим материалам проследить внутреннюю позицию говорящего.

Экспериментальное исследование на материале испанского и русского языков позволило проследить передачу эмоциональности при помощи просодических средств. Материалом для анализа послужили фрагменты видеозаписей телеинтервью. Интервью мини-интернет передачи "Soy de tele" с Luis Fernández и Nya de la Rubia и отдельные одноформатные интервью с Penélope Cruz и Javier Bardem. Передача "Наедине со всеми", в которой участвовали русские актеры Анна Ардова и Максим Аверин, а также интервью в рубрике «Завтрак со звездой» из передачи «Доброе утро, мир!», в котором приняли участие Светлана Ходченкова и Данила Козловский. Исследование результатов аудитивного анализа параметров русской и испанской звучащей речи при выражении эмоциональности позволяет заключить, что:

1.экспериментальное исследование позволило проследить зависимость ритмико-интонационных параметров от характера выраженной эмоции:

-в русской и испанской звучащей речи содержится большее количество восходящих тонов голоса при выражении положительной эмоции;

2.рассмотрение этих данных с точки зрения характера выраженной эмоции свидетельствует о том, что:

-в текстах звучащей испанской речи наблюдались существенные различия между оценками аудиторов положительной и нейтральной эмоциями;

3. анализ результатов исследования эмоциональных состояний в звучащей речи позволяет заключить, что:

-национально-специфическим является поведение мелодических знаков на ударных слогах при выражении различных эмоциональных состояний;

-общим является преобладание в русской и испанской звучащей речи интервью положительных эмоций, выражение которых имеет восходящий тон голоса на ударных слогах;

4. фрагменты с «нейтральной» эмоциональной оценкой преобладали в испанской речи.

Литература

1. *Lashley* «The problem of serial order in behavior.» *Cerebral Mechanisms in Behavior* 1951 p. 126-135.
2. *W. Labov*. *Language in the Inner City*. Philadelphia: U. of Pennsylvania Press, 1972.
3. *Величкова Л.В.* Ритмические параметры диалога Лев Копелев – Генрих Бёлль / Л.В. Величкова // Копелевские чтения 2007. Россия и Германия: диалог культур : сб. статей / [под ред. А.И.Борозняка, В.Б. Царьковой]. - Липецк, 2007. – С. 95-105
4. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. М. : Просвещение, 1969. - 214 с.
5. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1969. - 307 с.
6. *МСЭ* : в 10 т. – М. : 1974. – Т. 7. – С. 1122.
7. *Тезекбаева Г.А.* Спонтанная речь как объект лингвистики / Г.А. Тезекбаева // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011, №1. – С. 76-79.

MECHANISM OF ANALYSIS OF SOUND TEXTS

Abakumova O.V.,

*PhD, associate professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia,
olga.abakumova16@gmail.com*

Velichkova L.V.,

Doctor of philology, Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia, luvel1@mail.ru

The article presents a mechanism for analyzing sounding texts on the material of spontaneous texts (television interviews in Russian, German and Spanish languages). The theoretical basis for the proposed experimental approach is the theory of speech activity and research in the field of psycholinguistics. The units that are subject to be analyzed are the rhythmic - intonational parameters of speech as the ones that are essential from the point of their function in the process of generation and perception of speech. The comparative nature of the study makes it possible to identify universal and culture-bound features of spontaneous speech.

Key Words: text; spontaneous speech; generation and perception of utterance; emotiveness; rhythmic-melodic parameters, Russian, German and Spanish languages.

References

1. Lashley «The problem of serial order in behavior.» *Cerebral Mechanisms in Behavior* 1951 p. 126-135.
2. W. Labov . *Language in the Inner City*. Philadelphia: U. of Pennsylvania Press, 1972.
3. Velichkova L.V. Ritmicheskie parametry dialoga Lev Kopelev – Genrih Byoll' / L.V. Velichkova // *Kopelevskie chteniya 2007. Rossiya i Germaniya: dialog kul'tur : sb.statej / [pod red. A.I.Boroznyaka, V.B. Car'kovej]. - Lipeck, 2007. – S. 95-105*
4. Leont'ev A.A.(1) *Yazyk, rech', rechevaya deyatelnost' / A.A. Leont'ev. M. : Prosveshchenie, 1969. - 214 s.*
5. Leont'ev A.A.(2) *Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya / A.A. Leont'ev. M.: Nauka, 1969. - 307 s.*
6. *MSEH : v 10 t. – M. : 1974. – T. 7. – S. 1122.*
7. Tezekbaeva G.A. *Spontannaya rech' kak ob"ekt lingvistiki/G.A. Tezekbaeva// VESTNIK VGU. Seriya: Filologiya. ZHurnalistika. 2011, №1. – S. 76-79.*

ЗАПИСКИ ДОКТОРА А.Т. ТАРАСЕНКОВА О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЖИЗНИ Н.В. ГОГОЛЯ: НАУЧНО- КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Воропаев В.А.,

доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра истории русской литературы, Москва, Россия

В статье критическому анализу подвергнуты записки доктора А.Т. Тарасенкова о последних днях жизни Н.В. Гоголя. Выявлены разночтения опубликованного текста с черновым автографом. Установлено, что важнейшим источником сведений для автора стали устные рассказы графа А.П. Толстого, воспроизведенные в тексте записок от первого лица. Диагноз предсмертной болезни Гоголя, сделанный Тарасенковым, опирался не столько на результаты его врачебного осмотра, сколько на распространенные в обществе представления о том, что Гоголь умер от истощения, то есть, попросту говоря, уморил себя голодом.

Ключевые слова: Гоголь, записки доктора А.Т. Тарасенкова, религиозное мировоззрение, предсмертные дни, аскетическое поведение.

Для цитаты:

Воропаев В.А. ЗАПИСКИ ДОКТОРА А.Т. ТАРАСЕНКОВА О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЖИЗНИ Н.В. ГОГОЛЯ: НАУЧНО-КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Voropaev.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. STATEMENTS OF DOCTOR TARASENKOV ON THE LAST DAYS OF GOGOL'S LIFE: SCIENTIFIC AND CRITICAL ANALYSIS [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Voropaev.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Доктор Алексей Терентьевич Тарасенков (1816–1873) в 1852 году в звании штаб-лекаря служил врачом московской больницы для чернорабочих. Впоследствии, в 1858 году, он стал старшим врачом странноприимного дома и больницы графа Н.П. Шереметева в Москве. Вопреки распространенному мнению Тарасенков не был лечащим врачом Гоголя и даже не был с ним близко

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

знаком. Существует свидетельство, что Тарасенков пользовал семью графа Александра Петровича Толстого², в доме которого в Москве на Никитском бульваре жил последние годы Гоголь. Из записок Тарасенкова явствует, что впервые он увидел Гоголя в январе 1852 года, обедая у графа Толстого (дата последнего обеда, на котором присутствовал Тарасенков, скорее всего 22 января).

Доктор А.Т. Тарасенков

Н.В. Гоголь

Последующие посещения Тарасенковым дома Толстого связаны уже с болезнью Гоголя. 13 февраля он был приглашен графом Толстым для осмотра Гоголя, но тот принял его только 16 февраля, и тогда Тарасенков имел с ним непродолжительный разговор, во время которого убеждал больного принять пищу. 19 февраля Тарасенков пришел сам, но никаких разговоров с Гоголем не вел. 20 февраля он участвовал в консилиуме и 21 февраля приехал через два часа после смерти Гоголя. Таким образом, Тарасенков (судя по его запискам – другими свидетельствами мы не располагаем) видел Гоголя до болезни несколько раз на обедах у графа Толстого и трижды во время болезни (16, 19, и 20 февраля).

² В.О. Шервуд пишет в своих воспоминаниях о Тарасенкове: «Он был, между прочим, доктором Толстых и следил последнее время за болезнью Гоголя, которую и описал в брошюре...» [цит. по: 4, с. 140].

Записки Тарасенкова были вчерне написаны в марте – апреле 1852 года и первоначально имели название: «Н.В. Гоголь в последнее время жизни». Под автографом черновой рукописи, хранящейся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве, дата: «1852. Апреля 6»³. Под заглавием «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя» записки Тарасенкова, значительно расширенные за счет введения новых эпизодов и деталей, были напечатаны в 1856 году в журнале «Отечественные Записки» (№ 12; отдельный оттиск СПб., 1857). В 1902 году сын Тарасенкова, Петр Алексеевич Тарасенков, эти воспоминания переиздал под тем же названием, восстановив по рукописи «факты и имена, которые в то время (в 1856 году – *В. В.*) обнародовать казалось неудобным» [25, с. 1].

Новые факты в публикации 1902 года по сравнению с публикацией 1856 года появляются в рассказе Тарасенкова о насильственном лечении Гоголя в последние два дня его жизни (19 и 20 февраля): о том, как доктора, собравшиеся на консилиум, по предложению профессора А.И. Овера, постановили лечить Гоголя от менингита, обращались с ним как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собою». Публикация 1856 года умалчивает многие подробности жестокосердного (скорее всего невольно) обращения врачей с Гоголем. В остальном же рассказ Тарасенкова о событиях, предшествовавших консилиуму, в тексте 1902 года воспроизведен не по рукописи 1852 года, а по публикации 1856 года.

³ ГИМ. Ф. 380. 1852 г. Ед. хр. 1. 18 л. В полном объеме автограф статьи впервые опубликован И.А. Виноградовым [см.: 10, т. 3, с. 907–927].

Профессор А.И. Озер

Текст 1856 года (с дополнениями 1902 года) служит и по сей день самым полным документальным источником наших сведений о последних днях жизни Гоголя. О первоначальном варианте записок Тарасенкова вспоминали лишь дважды. В 1898 году биограф Гоголя В.И. Шенрок опубликовал (с ошибками и пропусками) два отрывка из рукописи [см.: 28, с. 806–807, 850–865] с примечанием: «...позволим себе, пользуясь обязательным разрешением П.А. Тарасенкова, привести отрывки из статьи его отца, лечившего Гоголя (с сохранением того, что было некогда опущено в печати и с полным обозначением лиц, о которых идет речь)» [там же, с. 849].

Спустя семьдесят лет, в 1967 году, на публикацию Шенрока обратила внимание А. Бельшева в статье «Тайна смерти Гоголя», заметившая, что расхождения между текстом 1856 года и рукописью 1852 года вызваны целенаправленной редактурой первоначального варианта. Она же привела и примеры наиболее существенных разночтений [см.: 2].

Текст 1856 года отличается от текста 1852 года, во-первых, большим объемом. И в тексте 1852 года, и в тексте 1856 года большинство сведений о Гоголе получено Тарасенковым главным образом от графа Толстого, на которого он неоднократно ссылается⁴. Сообщая о приглашении графа

⁴ Помимо этого, Тарасенков пользовался, разумеется, материалами книг П.А. Кулиша [см. 15], в частности, цитировал по этому изданию письма Гоголя. Уже упоминавшийся В.О. Шервуд писал,

осмотреть Гоголя 13 февраля, Тарасенков и в тексте 1852, и в тексте 1856 года пишет, что именно граф Толстой рассказал ему о происходившем с больным.

Граф А. П. Толстой

Графиня А.Г. Толстая

1856 год: «Давно мне не случилось быть в доме, где жил Гоголь, и я не слышал ничего о его болезни, – пишет Тарасенков, предваряя рассказ о своем появлении у графа Толстого 13 февраля. – В среду на первой неделе поста прислали из этого дома за мною и объяснили, что происходит с Гоголем» [26, с. 410; 10, т. 3, с. 935].

имея в виду брошюру Тарасенкова: «...между прочим, были ему сообщены и мною некоторые факты» [цит. по: 4, с. 140].

Дом графа А.П. Толстого в Москве на Никитском бульваре

1852 год: «Давно я не имел случая быть у графа, но в это время (в среду на первой неделе) прислал он за мною и объяснил, что происходит с Гоголем» [28, с. 855; 10, т. 3. с. 913].

Во-вторых, текст 1856 года отличается от рукописи 1852 года рядом дополнений и примечательных изменений.

1852 год: «Не прошло месяца, как я с ним обедал вместе, – он был цветущего здоровья, бодр, свеж, крепок, – а теперь передо мною <был> человек как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный продолжающимся тифом до необыкновенного изнеможения. <...> Неохотно позволил он мне пощупать пульс и посмотреть язык: пульс был довольно полон и скор...» [28, с. 856, 10, т. 3, с. 913].

1856 год: «Не прошло месяца, как я с ним вместе обедал; он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, крепким, а теперь передо мною был человек как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного

изнеможения.<...> Хотя неохотно, но позволил он мне пощупать пульс и посмотреть язык: пульс был ослабленный...» (26, с. 410, 10, т. 3, с. 935].

Белышева, сопоставляя эти два отрывка, сделала вывод о сознательно допущенном искажении. Действительно, исчезновение в 1856 году упоминания о тифе, прямо противоположная характеристика пульса (в 1852 году – «полон и скор», признак горячечного состояния; в 1856 году – «ослабленный», признак истощения) дают возможность увидеть, что Тарасенков видоизменяет картину болезни Гоголя. Но этот факт не дает еще права говорить о том, что в 1852 году Тарасенков считал болезнь Гоголя физиологически объяснимой, а в 1856 году причины смерти видел только в духовном кризисе. И в 1852 году Тарасенков обобщает результаты своего осмотра больного 16 февраля фразой, целиком перенесенной в текст 1856 года: «Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны...» [28, с. 857; 26, с. 411–412; 10, т. 3, с. 914, 936]. И в 1852, и в 1856 году Тарасенков не сомневался в том, что «духовный элемент был преобладающею причиною его болезни», что, «окруженный религиозными людьми, он всегда был предан религии, а в последнее время он подвергал себя почти исключительно ее влиянию, убежденный, что она разрешит и для других и для него все возможные задачи» [28, с. 864; в тексте 1856 года с некоторой перестановкой слов – 26, с. 424; 10, т. 3, с. 920].

В 1856 году физиологическая сторона состояния Гоголя отнюдь не скрыта. Напротив, из рукописи в опубликованный текст перешли рассуждения следующего рода: «Пища сытная и обильная была им любима по необходимому требованию организма: он решил, что ему нужно отказать себе и в ней, и вот, круто повернув с французской кухни на пустынный стол, перестал он есть все питательное, все ласкающее вкус и стал довольствоваться прохлаждающим, невкусным и скудным столом. <...> Такой переход от

обычного, сытного стола к чрезмерному пощению, особенно быстро произведенный, не мог остаться без важного влияния на его тело. <...> Вероятно, это излишне быстрое переламывание привычек и образа жизни и действительно произвело более важное страдание брюшных внутренностей, особливо присоединившись к прежним страданиям живота. Дальнейшее воздержание от пищи еще более усиливало болезнь и, наконец, образовало воспалительное состояние желудка и кишек: в это время, вероятно, он уже и не мог есть, как здоровый, хотя бы и решился не поститься более» [26, с. 425; в рукописи 1852 года – с иным порядком слов – 10, т. 3. с. 921].

Преувеличивать количество и качество исправлений, сделанных Тарасенковым в 1856 году, думается, нет надобности. Мы имеем дело не столько с изменениями, сколько с дополнениями, подчеркивающими то, что, во-первых, Гоголь пребывал в полной памяти и здравом уме до последнего дня своей жизни, во-вторых, что его смерть явилась результатом сознательного решения. И тот и другой моменты присутствовали в тексте 1852 года. Но были в рукописи 1856 года и принципиально новые дополнения.

Приведем некоторые из них: «Вероятно, во всю Масленицу он еще был здоров по-обыкновенному, если не считать началом болезни уже наступавшее изнурение сил. Из дальнейшего изложения хода болезни видно будет, что и в конце первой недели поста еще не было видно лихорадочного состояния и никакой особенной формы болезни, кроме увеличившегося изнурения сил. Только за три дня до смерти он слег в постель, да и тогда еще нельзя было приметить явственного поражения в каком-либо органе. При начале лечения, которое произведено было накануне его смерти, также еще не существовало симптомов, угрожавших опасностью жизни. Настоящий бред и внезапное падение сил показали только за несколько часов перед смертью» [26, с. 423; 10, т. 3, с. 943].]; «Сам он почти ни с кем не начинал разговора; отвечал на

вопросы других коротко и отрывисто. <...> По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает» [26, с. 409; 10, т. 3. с. 935].

В тексте 1856 года Тарасенков обращает особое внимание на отсутствие у Гоголя признаков прежде всего душевного расстройства. Если помнить о том, что официальным диагнозом консилиума был менингит и что слух об умственном расстройстве Гоголя распространился уже в первые дни после его кончины⁵, станет понятным стремление Тарасенкова отвести всяческие подозрения на этот счет.

Другой тип дополнений, появившихся в тексте 1856 года, связан с объяснением мотивов поведения Гоголя в последние дни: «И прежде он охотно беседовал с духовными особами; теперь стал избирать для бесед нарочно таких людей, о которых знал, что они весьма строги в своих наставлениях. Он выражал желание, чтоб указывали ему недостатки не в одних его сочинениях, но и в жизни, и чтоб передавали ему беспристрастные замечания обо всем, что нужно исправить в нем, как в писателе и человеке» [26, с. 405; 10, т. 3, с. 932].

Среди такого типа дополнений обращают на себя внимание два фрагмента: «Уже давно ему хотелось подробно и твердо знать устав церковный. Однажды он просил меня растолковать из него некоторые непонятые им места. По некоторым обстоятельствам жизни я знал наизусть многое, до чего Гоголь с трудом мог доискаться в книге, и давал ему быстрые и точные ответы. Для него казались удивительными мои знания, и я должен был объяснить ему, как достиг

⁵ Собственно говоря, подобные слухи ходили по Москве и ранее. И.С. Тургенев, посетивший вместе с М.С. Щепкиным Гоголя в октябре 1851 года, вспоминал, что они «ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове... Вся Москва была о нем такого мнения» (Гоголь в письмах и воспоминаниях И.С. Тургенева, его друзей и знакомых) [10, т. 3, с. 825].

до них» [26, с. 406; 10, т. 3, с. 933]. «Однажды зашел у нас разговор о любви к Богу. Я припомнил ему слова из Нового Завета: "не любяй брата своего, его же виде, Бога, его же не виде, како может любити?" (1 Ин. 4, 20), и пожелал узнать от него, не думает ли он, что любовь к Богу можно выражать только любовью к человечеству?» [26, с. 403–404; 10, т. 3, с. 931].

В тексте 1852 года воспоминаний о религиозных беседах Тарасенкова с Гоголем не было. Воспоминания его, видимо, и не могли содержать ничего подобного, ибо сам же он сообщает и в рукописи, и в опубликованном тексте, что до 1852 года с Гоголем знаком не был, а из лично виденного вспоминает только обед 22 января и потом уже только свои посещения во время болезни. Вся другая информация о Гоголе получена им в основном от графа Толстого. И хотя Тарасенков специально отмечает в тексте 1856 года, что его заметки «составлены вскоре после смерти Гоголя» и что он «оставил их почти в том виде, как они вышли из-под пера в 1852 году» [26, с. 419; 10, т. 3, с. 940], это не соответствует действительности.

Возможность встреч Тарасенкова с Гоголем до 16 февраля наедине почти невероятна: в подобном случае он не преминул бы это отметить, как отметил свои разговоры с Гоголем 22 января и 16 февраля. Возможно, Тарасенков действительно «не раз вместе обедал» [10, т. 3, с. 913] с Гоголем в январе, но доверительных бесед между ними не было. Поэтому приведенные выше воспоминания о разговорах с Гоголем на религиозные темы (причем воспоминания, воспроизведенные от первого лица), следует, видимо, приписывать тому, кто действительно вел такие беседы, ежедневно встречаясь с Гоголем – графу Толстому. Остается загадкой, почему Тарасенков при подготовке записок к печати, ввел в них воспоминания, которые не ему принадлежали. Предположение, что с рукописью перед публикацией ознакомился граф Толстой, внося в нее ряд дополнений [см.: 5, с. 139–140] не

кажется нам ныне правдоподобным. В этом случае граф Толстой не преминул бы отметить некоторые явные ошибки Тарасенкова⁶ и многие несуразности в том, что он писал о пощении Гоголя.

Впрочем, Тарасенков знал о том, что Гоголь любил вести духовные разговоры, например, с графом Толстым, и даже мог в каких-то случаях оказаться их свидетелем. Он пишет: «С глубоким вниманием слушал он (Гоголь – В. В.) обо всем, что относится до христианства. Некоторые молитвы, некоторые псалмы приводили его в восхищение. Так, изречение Священного Писания: *Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный*⁷ он повторял по несколько раз сряду и удивлялся красоте славянского языка» [25, с. 13].

Общий характер записок Тарасенкова, как и отдельные их подробности, не подтверждают того, что он хорошо знал церковный устав. Он, например, пишет в рукописи: «В понедельник и вторник первой недели поста наверху у графа была всенощная...» [10, т. 3. с. 911]. В первую неделю Великого поста в понедельник и вторник служитя Великое повечерие, а не всенощная. Ошибка невозможная не только для человека, хорошо знающего церковный устав, но и для обыкновенного мирянина, регулярно посещающего церковь. Эту ошибку, воспроизведенную Шенроком (см.: 28, с. 853), повторили потом и другие, обращавшиеся к его «Материалам для биографии Гоголя» [см., например, 14, с. СXXXI, СXXXII].

Сомнение вызывает следующее место из записок Тарасенкова: «Переменять свойство и количество пищи он не мог без вреда для своего

⁶ Он, например, пишет: «В феврале захворала сестра Языкова, г-жа Хомякова...» [25, с. 14; 28, с. 850 – с иным порядком слов; 10, т. 3. с. 909]. Тогда как она умерла 26 января. В другом месте Тарасенков говорит, что во вторник, 19 февраля, «приехал Погодин с Альфонским» [25, с. 25; 28, с. 860; 10, т. 3, с. 916]. Между тем М.П. Погодин 9 или 10 февраля уехал в Суздаль [см.: 1, с. 46] и вернулся только после похорон Гоголя.

⁷ Этот текст имеет важное догматическое значение [см.: 17].

здоровья: по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. "Нередко я начинал есть постное по постам (говорил он мне), но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно и убеждался, что мне нужна пища питательная". (Эти слова были ответом на мое признание, что я делаюсь неспособным к хорошему исполнению своих обязанностей, если некоторое время употребляю постную пищу)» [25, с. 9].

Из этих слов с несомненностью следует только то, что сам Тарасенков не постился в дни, определенные для этого Церковью. В отношении Гоголя его суждение принять за правду никак нельзя. Известно, что помимо постных дней Гоголь любил иногда и хорошо поесть. Лев Иванович Арнольди, сводный брат Александры Осиповны Смирновой, свидетельствует, что Гоголь был необыкновенно строг к себе и боролся со своими слабостями. Так, в Италии он «сам бегал на кухню и учился готовить макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самой скудной пищей и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел» (Гоголь в воспоминаниях Л.И. Арнольди) [10, т. 2, с. 384].

Всеволод Андреевич Чаговец, наиболее авторитетный специалист начала XX века по семейным делам Гоголя, пишет, что Николай Васильевич не превосходил набожностью своих родных, «проникнутых с самых младенческих лет религиозным настроением и идеалами христианской жизни». И только в отношении соблюдения поста он держался несколько иного взгляда, нежели окружающие: «в постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и т. п., он даже иногда бывал недоволен. "Какой же это пост, когда все обедают еще хуже, чем в обыкновенные дни?"

– говорил он, отодвигая подальше блюдо с какою-нибудь заманчивой постной пищей...» (Чаговец В.А. На родине Гоголя) [10, т. 1, с. 224].

Внутренняя жизнь Гоголя, под которой он понимал жизнь в Боге⁸, велась скрыто от окружающих. Не имея собственного дома и живя все время на людях, он, конечно, часто вынужден был скрывать свое пощение, как это и заповедано Евангелием. Гоголь чувствовал себя как дома, по-видимому, только у графа Толстого, где соблюдались посты⁹. Бывая у тех знакомых, которые не придавали большого значения посту, он старался не смущать их.

⁸ 20 июня (н. ст.) 1843 года Гоголь писал из Эмса своему старому приятелю Александру Данилевскому в ответ на его упреки в охлаждении их отношений: «Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими впечатлениями, когда не идет отведывать уже известной ему жизни, но когда сквозь все видит одну пристань и берег – Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный Им же ему талант, а не зарыть его в землю, слыша, что не для своих удовольствий дана ему жизнь, что строже ее долг и что взыщется страшно с него, если он, углубясь во внутрь себя, и спросил себя и не узнал, какие в нем сокрыты стороны, полезные и нужные миру, и где его место, ибо нет ненужного звена в мире. А внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. <...> Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге» [8, т. 12, с. 252].

⁹ По свидетельству Т.И.Филиппова, служившего при графе Толстом чиновником особых поручений по вопросам Восточных Православных Церквей, тот «усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строгости в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, например, полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...» (Гоголь в воспоминаниях Т.И. Филиппова) [10, т. 3, с. 889–890]. После смерти Гоголя графиня Анна Георгиевна Толстая, дожившая до глубокой старости, часто вспоминала о нем, особенно во время поста. В.А. Гиляровский передает со слов ее бывшей компаньонки Юлии Арсеньевны Троицкой, что графиня постилась до крайней степени, любила есть тюрю из хлеба, картофеля, кваса и лука и каждый раз за этим кушаньем говорила: «И Гоголь любил кушать тюрю. Мы часто с ним ели тюрю». Настольной книгой ее были «Слова и речи преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского» в четырех частях, изданные в 1849 году. На книге имелись отметки карандашом, которые делал Гоголь,

Именно в этом смысле, видимо, надо понимать его записку Аксакову от 19 марта 1849 года: «Любезный друг Сергей Тимофеевич, имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло» [8, т. 15, с. 168]. На эту записку ссылается Тарасенков, говоря, что Гоголь любил «сытные мясные кушанья» [25, с. 9].

Известно, что именно 19 марта Гоголь отмечал свой день рождения, который, бывая в Москве, нередко проводил у Аксаковых. В 1849 году день этот приходился на Великий пост. Зная духовное устройство Гоголя, можно с уверенностью утверждать, что он не ел у Аксаковых в этот день бычачины, хотя и счел необходимым в шуточной форме заблаговременно предупредить друзей, чтобы они чувствовали себя свободно¹⁰.

Отметим, что через несколько дней Гоголь должен был причаститься Святых Таин. 3 апреля 1849 года, в день Светлого Христова Воскресенья, он писал матери и сестрам Анне и Елизавете: «Христос воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава Богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью Того, Кто воскрешает

ежедневно читавший Анне Георгиевне эти проповеди. По словам графини, она обыкновенно ходила по террасе, а Гоголь, сидя в кресле, читал ей и объяснял значение прочитанного. Самым любимым местом книги у Гоголя было «Слово о пользе поста и молитвы» (см.: б, с. 59–60).

¹⁰Ср. замечание Е.С. Некрасовой: «Сталкиваясь с такими развитыми, свободомыслящими людьми, как Аксаковы <...> Гоголь, конечно, не поворачивался к ним своей религиозной стороной, и они его с этой стороны не знали. Другое дело, когда его судьба столкнула с семьей графа А.П. Толстого <...> Гоголь радостно раскрыл перед ними свое постоянное влечение к религии...» [18, с. 240]. Добавим к сказанному слова Гоголя из его письма к С.Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 года из Остенде: «...я никогда не был особенно откровенен с вами и почти ни о чем том, что было близко душе моей, не говорил с вами, так что вы скорее могли меня узнать только как писателя, а не как человека...» [8, т. 14, с. 429].

всех, в Него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св<ятым> Тайнам» [8, т. 15, с. 174]. Гоголь, по всей вероятности, причащался на Страстной неделе, скорее всего, в Великий четверг.

Само собой разумеется, что вкушение мяса Великим постом, за полторы недели до приобщения Святых Таин, недопустимо (это понятно даже для новоначальных). В выписках Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви находим следующее место о тех, кто причащается недостойно: «Таинство Евхаристии, принимаемое устами недостойных, вместо отпущения грехов их, вместо запечатления их к наследию небесному и вечному блаженству, вызывает на них праведный суд страшного Судии – Бога; и Пречистая Кровь Иисуса Христа в устах нечистых еще громче крови Авелевой вопиет к Богу об отмщении. Кому из вас, братья мои, не известны страшные поразительные опыты Божественного мщения на осквернителей святыни? <...> В первенствующей Церкви видимым образом – болезнию или смертью казнь небесная отпечатлевалась на тех, которые, не быв достойными, приступали к Евхаристии. Сего ради, говорит апостол, *в вас мнози немощны и недужливы, и усыпают*, то есть умирают, *довольни* (1 Кор. 11: 30)» (Приготовление к Исповеди и Причащению) [8, т. 9, с. 89].

Утверждение Тарасенкова, что Гоголь никогда не выдерживал пост до конца, прямо связано с пониманием доктором причин смерти писателя. В начале своих записок он приводит расхожие представления о том, от какой болезни умер Гоголь: «Одни назвали его болезнь нервическою горячкою; другие предположили воспаление в мозгу или кишках; иные вообразили, что смерть его произошла от расстройства умственных способностей; многие были уверены, что Гоголь умер голодной смертью, были и еще предположения, но, судя по ходу болезни, по признакам, которыми она проявлялась, и по другим

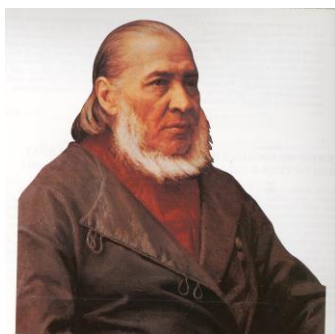
достоверным сведениям, эти предположения представляются столь неосновательными, что не заслуживают быть упомянутыми» [25, с. 4–5].

Казалось бы, Тарасенков отвергает как неосновательное, наряду с другими, и предположение, что Гоголь умер от истощения, то есть от того, что попросту говоря, уморил себя голодом. Тем не менее в конце своих записок он, представляя свой собственный взгляд на болезнь Гоголя и причины его преждевременной кончины, говорит, по сути, о том же: «Вероятно, ему казалось, что он не исполнил одного из подвигов христианских – измождения плоти, о котором так высоко отзываются подвигоположники¹¹, отшельники мира; он возненавидел плоть свою, перестал ее питать, решил быть отшельником в мире» [там же, с. 31].

Рассуждения Тарасенкова об «измождении плоти», лишении себя любимой «сытной и обильной пищи», «переходе от обычного, сытного стола к чрезмерному пощению» не оставляют сомнений в определенном его понимании причин смерти Гоголя. Собственно говоря, в этом доктор Тарасенков был несколько не оригинален. Так же смотрели на это и многие из тогдашнего окружения Гоголя. Осип Максимович Бодянский, например, записал в дневнике 13 августа 1856 года свой разговор с князем Петром

¹¹ Заметим, что Тарасенков неправильно употребляет слово «подвигоположник». В переводе с греческого оно означает «начальник и судия подвигов: так называется Христос» [21, с. 439]. Ср. у Гоголя в «Правиле жития в мире»: «...Бог всячески старается нас вразумить и требует, чтобы мы употребили какое-нибудь усилие для узнания Его воли. И потому многие, воспитавшие себя среди волнений, советуют в такие минуты обратить взгляд на всю прежнюю жизнь нашу и стараться припомнить все то, что мы пропустили сделать или откладывали к другому времени, а припомнив, заняться уже не вседневными и обыкновенными делами нашими, а теми именно, которые мы пропустили сделать, и заниматься ими прилежно во все время, пока продолжается уныние и смущение, и заняться ими вовсе не так, как бы мы их сами себе задали, но так, как бы они наложены были Богом, а не другим кем, исполняя их подобно послушнику, исполняющему беспрекословно и рабски всякое повеление своего подвигоположника и господина» [8, т. 6, с. 302]. Хотя Гоголь пишет слова «подвигоположник» и «господин» со строчной буквы, из контекста следует, что он имеет в виду Христа.

Андреевичем Вяземским, спросившем, от чего умер Гоголь: «Что до меня, – сказал тогда я, – причиной смерти его была, как я и тогда и теперь полагаю и полагаю, отставка его желудка. Гоголь, как я всегда замечал, обедая с ним очень часто в доме С.Т. Аксакова, любил на порядках поест, подобно отцу своему, и, подобно ему, часто страдал после сытного обеда <..> Скажут, что он в последние две-три недели постничал. Да постничал поневоле, и постничаньем только dokonчил, то есть, поворотивши слишком круто в крайность. Естественным последствием того было ослабление пищеварительного канала, кончившееся воспалением, от которого, по выражению малороссиян, и дуба дав» (Гоголь в дневниковых записях О.М. Бодянского. 1852–1856 гг.) [10, т. 3, с. 236].

С.Т. Аксаков

Можно сказать, что диагноз болезни Гоголя, сделанный Тарасенковым, опирался не столько на результаты его врачебного осмотра, сколько на распространенные в обществе представления о чрезмерном пощении Гоголя¹². Примечательно, что еще до консилиума 20 февраля, на котором было принято решение кормить Гоголя насильно, Тарасенков в разговоре с графом Толстым высказался в том смысле, что «не нужно ли подумать о том, как бы заставить

¹²Ср., например, суждение Д.Н. Свербеева, который писал своей жене Е.А. Свербеевой 26 февраля 1852 года: «Слышу, что после свидания с каким-то аскетом, священником из Тверской губ<ернии>, Гоголь вдруг говееет на Масленице и держит, как оказалось после, самый строжайший пост. Потом, говорят, изнемогает он от самой скудной пищи; просто от голода, который производит в нем сильное ослабление и, наконец, воспаление в кишках. Больной противится всем убеждениям и не принимает никакого лекарства, не пьет даже бульона» [10, т. 3, с. 846].

больного употреблять пищу каким бы то ни было способом? Я передал о нескольких примерах психопатов, мною виденных¹³ и исцелившихся после того, как они стали употреблять пищу» [24, с. 21]. Этот разговор состоялся 13 февраля, то есть еще до того, как Тарасенков впервые осмотрел больного Гоголя.

Точка зрения на причины смерти Гоголя, впервые печатно высказанная Тарасенковым, стала господствующей в сознании его современников и последующих поколений¹⁴. Н.Г. Чернышевский, откликаясь на публикацию записок Тарасенкова в «Отечественных Записках», писал: «...все действия Гоголя в это время так странны, что автор не отваживается ни одного из этих предположений отрицать решительным образом. Он только рассказывает факты, свидетелем которых был, – это, конечно, лучшее из всего, что можно сказать в настоящее время. Но в примечаниях он склоняется к тому мнению, что психические причины более, нежели физические страдания, участвовали в разрушении организма Гоголя, и что самую сильнейшею из этих причин было слишком продолжительное воздержание от пищи. Конечно, мы не имеем возможности с достоверностью решать вопрос, которым затрудняется врач и очевидец. Но сколько можно судить по фактам, которые он представляет, надобно, кажется, считать ближайшим к истине то ужасное предположение, что Гоголь сам уморил себя голодом, – не бессознательно, не вследствие

¹³Тарасенков специализировался в области психиатрии и хотя не был столь авторитетен, как, скажем, университетские профессора медицины А.И. Овер и И.В. Варвинский, но был врачом, практически имевшим дело с душевнобольными («...в чернорабочей больнице я <...> научился обхождению с психическими больными») [24, с. 7]; в 40–60-е годы им написан также ряд медицинских трудов по психиатрии.

¹⁴Так думали многие, не исключая и людей религиозных. Например, В.З. Завитневич, профессор Киевской Духовной академии, писал: «Гоголь умер от истощения сил, до которого он добровольно довел себя посредством отказа от принятия пищи» [12, с. 403].

психической болезни, а сознательно и, быть может, даже преднамеренно» (Заметки о журналах. Декабрь 1856) [цит. по: 7, с. 489].

Характерно, что после публикации заметок Чернышевского, сделавшего столь определенные выводы, Тарасенков выступил с опровержением в газете «Московские Ведомости» (1857. 25 июля. № 89), где, однако, по сути доказывал то же самое, но переакцентировал внимание на то, что сознательное умирание Гоголя было результатом не помрачения ума, а, напротив, происходило при полном контроле разума [см.: 10, т. 3, с. 949–951]. В ответной реплике Чернышевский заметил: «Доктор <...> Тарасенков находит <...> что мы вывели из его рассказа заключения, чрезвычайно далекие от выводов, какие бы должно сделать, когда сказали <...> что из фактов, представленных им, следует: "Гоголь уморил себя голодом". По мнению г. Тарасенкова, следует сказать: "Причиною смерти Гоголя было пощение", – эти слова действительно гораздо точнее, нежели выражение, нами употребленное» (Чернышевский Н.Г. Сочинения и письма Н.В. Гоголя) [цит. по: 9, с. 574].

В дальнейшем, кто бы ни писал о последних днях жизни Гоголя, всегда обращался к запискам Тарасенкова, признавая ошибочным (что совершенно очевидно сегодня даже не медикам) диагноз менингит, но с доверием относясь к мнению Тарасенкова, по сути ничем не отличавшемуся от мнения других докторов¹⁵. Ошибка Тарасенкова и врачей, лечивших Гоголя во время его предсмертной болезни, заключается прежде всего в их неправильном

¹⁵ Современные исследователи пытаются подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А.В. Карташев в книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма». [13, с. 289]. Литературовед М.Я. Вайскопф в своей монографии о Гоголе утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы» [3, с. 656].

представлении о том, что такое пост, вернее – в нецерковном к нему отношении.

Вот что, например, сказал о посте святитель Русской Церкви митрополит Московский Филарет 10 февраля 1852 года в «Неделю сыропустную», то есть в последнее воскресенье перед Великим постом; в этот день в церкви провозглашаются слова святого апостола Павла: «Облецытесь Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти» (Рим. 13, 14), то есть: «Облекитесь в Господа (нашего) Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти». На полях принадлежавшей Гоголю Библии (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома) против этого места помета: «Облецытесь Господем Христом» [8, т. 9, с. 151].

Святитель Филарет, митрополит Московский

«Чтобы верно воспользоваться сим наставлением Апостола, – говорит святитель, – должно приметить в оном определенность мысли и точность выражения. Он не говорит: не делайте ничего угодного плоти, не прилагайте о ней никакого попечения, совсем не обращайтесь на нее внимания. По естеству, как он же говорит в другом месте, никтоже когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю (Еф. 5, 29). Плоть, или иначе, тело, с его чувствами, силами, членами, по назначению Создателя, есть орудие или слуга души. Работающему орудием надобно пещись, чтобы орудие было исправно. Господину надобно

пещись, чтобы слуга имел силу и способность делать дело, на него возлагаемое. Так человеку надобно пещись о своем теле. Но говорит Апостол: плотоугодия не творите в похоти, не делайте плоти такого угождения, которого требуют не природа и рассудок, а пожелания чувственные, не управляемые разумом, прихотливые, страстные, необузданные, преобладающие. Потому что в сем случае плоть становится не только непокоривым слугою души, но даже властелином над нею, ее поработителем и мучителем.

Употребляй пищу и питье по требованию голода и жажды, для поддержания жизни, сил, здоровья: сего требует природа; сего не возбраняет закон; сего не отвергает здравое учение. Если и избранную пищу употребишь в праздник, в день радости, с благодарением Богу, дающему нам вся обильно в наслаждение (1 Тим. 6, 17): и в сем оправдает тебя притча, на трапезе благовременного веселия предлагающая тельца упитанного (Лк. 15, 23). Но дабы вслед за естественным услаждением вкуса не подкралась похоть, а за нею неумеренность, объядение, пьянство, сладострастие, – для сего и обыкновенное благоразумие советует, и врачебная наука вразумляет, и правило духовной опытной мудрости повелевает, вообще – отсекай нечто от количества пищи, требуемого чувственным пожеланием, особенно же в некоторые времена и количество пищи уменьшать, и качество ее изменять, отлагать утучняющее и согревающее, и употреблять легкое и прохлаждающее. Закон духовный предписывает употреблять пост как оружие для отражения похотей плоти, давать пост и молитву, как крила, духу, для возвышения его к Богу. Впрочем, правило церковное, строгое против похоти, снисходительное к немощи, требует поста и осуждает непостящегося, кроме препятствия от немощи телесной (прав<ило> Апост<ольское> 69), следственно, позволяет облегчение поста, ради немощи телесной; и весьма справедливо, потому что немощь сама собою доставляет то, что ищется посредством поста, то есть, укрощение

чувственности и бездействие плотских страстей; и следственно, для немощного не то нужно, чтобы усмирять плоть постом, а то, чтобы немощное тело поддерживать питанием и врачеванием, дабы оно не сделалось вовсе неспособным служить душе» [27, с. 145–147].

Все рассуждения Тарасенкова об измождении плоти, о котором якобы так высоко отзываются подвижники; о том, что Гоголь, «по-видимому, не терял аппетита и жестоко страдал от лишения пищи», что он «возненавидел плоть свою, перестал ее питать» и прочем, носят недуховный характер. Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов [см.: 8, т. 9. с. 40–41; 87–88] и пометы на принадлежавшей ему Библии. «Пост не дверь к спасенью», – написал он карандашом на полях против слов святого апостола Павла: *«Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся» («Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»*, 1 Кор. 8: 8) [там же, с. 152].

После смерти Екатерины Михайловны Хомяковой Гоголь постоянно молился. «Между тем, как узнали мы после, – писал С.П. Шевырев, – большую часть ночей проводил он в молитве, без сна» (Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева) [10, т. 2, с. 108]. Тот же Тарасенков на протяжении своих записок не раз говорит о молитвенном устройении Гоголя в последние дни: «Свое пощение он не ограничивал одною пищею, но и сон умерял до чрезмерности; после ночной продолжительной молитвы он вставал рано и шел к заутрени...» [25, с. 16]; «Во всю Масленицу после вечерней дремоты в креслах, оставаясь один, по ночам, при всеобщей тишине, он вставал и проводил долгое время в теплой молитве, со слезами, стоя перед образами»

[там же, с. 18]; «Иногда по вечерам он дремал в креслах, а ночи проводил в бдении на молитве...» [там же, с. 20].

Со слов Тарасенкова известно, что Гоголь почти до самой смерти не ложился в постель, а оставался в креслах: «Несмотря на свое убеждение, что постель будет для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста (то есть 18 февраля. – В. В.) он улегся, хотя в халате и сапогах, и уже более не вставал с постели» [там же, с. 24].

Можно думать, однако, что Гоголь сидел в креслах не из страха умереть на постели. Скорее это было в некотором роде подражанием монашескому обычаю проводить ночной отдых не на ложе, а на стуле, то есть вообще сидя¹⁶. Павел Васильевич Анненков, рассказывая о пребывании вместе с Гоголем в Риме летом 1841 года, пишет в своих воспоминаниях: «Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно тогдашняя его причуда – проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель. Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желанья пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Н<иколай> В<асильевич> довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в

¹⁶ Например, никогда не имел постели в своих келлиях преподобный Серафим Саровский. В новейшее время архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Максимович) ночью отдыхал только сидя.

постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать».

«Обстоятельство это, – продолжает далее Анненков, – между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф.В. Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н.М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: "Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу" <...> Вечера эти могли быть для Н<иколая> В<асильевича> началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров» (Гоголь в воспоминаниях и письмах П.В. Анненкова) [10, т. 3, с. 450–451].

Завершает мемуарист свой рассказ следующими словами: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен».

Думается все-таки, что здесь было не начало, а уже некоторая полнота аскетического поведения Гоголя. Косвенным подтверждением этому могут служить упомянутые Анненковым воспоминания Федора Васильевича Чижова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1843 году. Он, в частности, говорит: «В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по нескольку раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все ее знали – Иванов лично,

Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь понаслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: "Была ли она у святителя Митрофана?" – Я отвечал: "Не знаю". – "Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба"¹⁷. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня". По моим соображениям, этот человек, должно было, был сам Гоголь...» (Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф.В. Чижова) [10, т. 3, с. 47–48].

Гоголь глубоко верил в силу молитвы, в том числе и своей собственной. «Неужели вы думаете, что я не сумел бы так же помочь и вашим неизлечимым больным? – писал он в статье "Что такое губернаторша", обращаясь к Александре Осиповне Смирновой. – Ведь вы позабыли, что я могу и помолиться, молитва моя может достигнуть и до Бога...» [8, т. 6, с. 98–99].

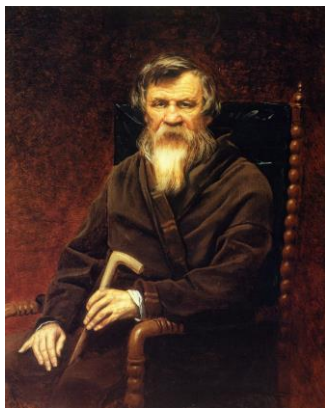
Умирал Гоголь с четками в руках. Это значит, что он постоянно внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню «*Непрестанно молитесь*» 1 Фес. 5, 17). В своей Библии Гоголь на полях повторил этот и предшествующий стих: «всегда радуйтесь и непрестанно молитесь» [там же, т. 9, с. 157].

Последние часы жизни умирающего Гоголя описаны Тарасенковым: «Позже вечером (20 февраля. – В. В.) он, по-видимому, стал забываться и терять память. <...> Еще позже он по временам бормотал что-то невнятно, как бы во

¹⁷ Обретение мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 7 августа 1832 года и сопровождалось многочисленными чудесными исцелениями. По свидетельству Г.П. Данилевского, в Васильевке, во флигеле, где по обыкновению жил и работал Гоголь, над кроватью в углу висел «образ св. угодника Митрофана» (Свидетельства о Гоголе в воспоминаниях и письмах Г.П. Данилевского) [10, т. 1, с. 286].

сне, или повторял несколько раз: "давай, давай! ну что ж?" Часу в одиннадцатом он закричал громко: "лестницу, поскорее, давай лестницу!.." Казалось, ему хотелось встать. Его подняли с постели и посадили на кресло» [25, с. 27].

Михаил Петрович Погодин в некрологе Гоголю приводит другие слова: «В среду (20 февраля. – *В. В.*) обнаружались явные признаки жестокой нервической горячки.

М.П. Погодин

Употреблены были все средства, коих он, кажется, уже не чувствовал, изредка бредил, восклицая: "поднимите, заложите, на мельницу, ну же, подайте!" [20, с. 48]. После прочтения этих строк в «Москвитянине» Мария Ивановна Гоголь писала Погодину 14 мая 1852 года из Васильевки: «Слезы мешали мне читать написанное Вами о моем ангеле. Видно, в болезни пришла ему мысль о мельнице, которую он очень желал у нас выстроить, узнав от меня, что земляная мельница несколько улучшила бы наше имение, по малоземелью, по душам не дающее доходу <...> И, видно, так усердно хотел осуществить предположенную нам выгоду, что и бредил ею» (Гоголь в воспоминаниях и письмах матери) [10, т. 1, с. 132].

Преимущество, однако, здесь следует отдать свидетельству Тарасенкова. Погодин говорил с чужих слов. Его не было в этот момент рядом с Гоголем. «В

роковую неделю меня не было в Москве¹⁸, – пишет он, – как будто в наказание, что я в последнее время позволял себе питать разные подозрения на счет его, и не верил вполне его искренности» [20, с. 50]. Тарасенков же сам пережил эти тяжкие минуты и, конечно, старался запомнить все подробности последних часов жизни Гоголя. Он пишет в своих воспоминаниях, что «главные их основания записаны в самый день его (Гоголя. – *В.В.*) смерти» [25, с. 5]. При этом мемуарист, хотя и не явно, но соотносит предсмертные слова Гоголя с книгой преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы: «...он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его» [там же, с. 13].

Правда, из контекста и общего духа записок Тарасенкова можно заключить, что Гоголь ознакомился с «Лествицей» незадолго до смерти: «Взяв себе в образец и наставление сочинение Иоанна Лествичника, которое ему так нравилось своими строгими правилами, он старался достигать высших ступеней, в нем описанных, и принялся за лишения» [там же, с. 31]. Разумеется, подобное заключение будет неверным. «Лествица», как мы знаем, была одной из любимых книг Гоголя с юности. Христианский образ лестницы как символ духовного возрастания постоянно встречается в его письмах: «...живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях» (В.А. Жуковскому 26 июня (н. ст.) 1842 года) [8, т. 12, с. 55]; «Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница» (Н.Н. Шереметевой около 20 марта (н. ст.) 1843 года) [там же, с. 201].

¹⁸«Я должен был отправиться с гр<афом> Уваровым в Суздаль, где уже ожидала нас комиссия, коей поручено было исследование о могиле князя Пожарского. Уезжая, я упросил свою покойную тещу Е.Ф. Вагнер, англичанку, умевшую ходить за больными, чтоб она не оставляла Гоголя. Она провела у него ночи две, и на ее руках почти он скончался» (позднейшее примечание М.П. Погодина) [10, т. 2, с. 510].

Лествица преподобного

Иоанна Лествичника, икона (кон. XII в.)

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» и делал из нее подробные выписки [см.: 8, т. 6, с. 297–299; 663–668]. Дошедший до нас автограф Гоголя, датируемый приблизительно 1843 годом, включает в себя выписки из «Лествицы» в том переводе, который был издан в Москве в 1785 году с названием «Лествица, возводящая на небо» (возможно, что Гоголь пользовался и другим изданием этого же перевода). Цитаты и реминисценции из нее встречаются в письмах Гоголя первой половины 1840-х годов. По всей видимости, в своих заграничных странствиях писатель имел при себе составленный им еще раньше рукописный сборник.

Об этом сборнике знал (по всей видимости, от графа А.П. Толстого) Т.И. Филиппов, который писал К.Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 года: «С высоты «Лествицы», которая особенно его (Гоголя. – В. В.) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в *своей* памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве» [22, с. 492–493].

Исследователи не раз отмечали сходство предсмертных слов Гоголя о лестнице с тем, что сказал незадолго до своей блаженной кончины святитель Тихон Задонский (см.: 28, с. 862; 16, с. 306; 19, с. 383; 11, с. 59), сочинения которого Гоголь перечитывал неоднократно. На память также приходят

предсмертные слова А.С. Пушкина, обращенные к Владимиру Ивановичу Далю: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!» [23, т. 2, с. 405].

Крест натальный Н. В. Гоголя.

Нательный крест Н.В. Гоголя

И подобно тому, как последние дни Пушкина стали известны в подробностях благодаря письму В.А. Жуковского (к Сергею Львовичу Пушкину, отцу поэта), последние дни Гоголя стали достоянием общественности благодаря запискам доктора Тарасенкова.

Литература

1. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 12. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. X, 543 с.
2. *Белышева А.* Тайна смерти Гоголя // Нева. Л., 1967. № 3. С. 170–181.
3. *Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. Изд. 2-е, испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.
4. *Воропаев В.А.* Владимир Осипович Шервуд и Николай Васильевич Гоголь // Династия Шервудов в истории и культуре России / Министерство культуры Российской Федерации, Российская академия художеств, Государственный музей, Научно-исследовательский ин-т теории и истории изобразительных искусств при Российской академии художеств; авторы-сост. Е.А. Лукьянов, Ю.Р. Савельев; под науч. ред. Ю.Р. Савельева. М.: Фонд «Связь эпох»; «Кучково поле Музеон», 2017. С. 137–144.
5. *Воропаев В.А., Песков А.М.* Последние дни жизни Гоголя и проблема второго тома «Мертвых душ» // Вопросы литературы. М., 1986. № 10. С. 132–146.
6. *Гиляровский В.А.* На родине Гоголя (Из поездки по Украине). М.: Отделение типографии Товарищества И.Д. Сытина, 1902. 64 с.
7. <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в русской критике: сборник статей / Подготовка текстов А.К. Котова и М.Я. Полякова; вступ. статья и примеч. М.Я. Полякова. М.: Гос. изд-во Художественной литературы, 1953. 652 с.
8. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

9. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред. текста, предисл. и коммент. С. Машинского. <М.:> Гос. изд-во художественной литературы, 1952. 719 с.
10. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
11. *Де Лотто Ч.* Лествица «Шинели» / Предисл. к публ. И. Золотусского // Вопросы философии. М., 1993. № 8. С. 58–83.
12. *Завитневич В.* Религиозно-нравственное состояние Н.В. Гоголя в последние годы его жизни // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902. Отд. II. С. 338–424.
13. *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М.: Изд-во Республика, 1994. 216 с.
14. *Кирпичников А.И.* Опыт хронологической канвы к биографии Н.В. Гоголя // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. проф. А.И. Кирпичникова. Т. 1. М., 1902. С. III–СXXXV.
15. <*Кулиш П.А.*> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб.: В типографии Александра Якобсона, 1856.
16. *Мережковский Д.С.* Гоголь и черт (Исследование) // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / Сост. Е.А. Даниловой. М.: Советский писатель, 1991. С. 213–309.
17. *Муретов М.Д.* К толкованию текста: «Творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный» (Псал. 103, 4 и Евр. 1, 7) // Богословский Вестник. 1902. № 10. С. 184–199.
18. *Некрасова Е.С.* Н.В. Гоголь. Его отношения к графу А.П. Толстому. Письма Н.В. Гоголя к графу А.П. Толстому // В память С.А. Юрьева: сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891. С. 239–267.
19. *Паламарчук П.Г.* «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П. Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М.: Современник, 1990. С. 336–422.
20. *Погодин М.П.* Кончина Гоголя // Москвитянин. М., 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47–50.
21. Полный церковнославянский словарь / Сост. протоиерей Григорий Дьяченко. М., 2013 / Репринтное воспроизведение издания 1900 г. 1120 с.
22. Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. статья, подготовка текстов и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 728 с. – (Сер.: Русские беседы).
23. <*Пушкин А.С.*> А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья В.Э. Вацура: сост и примеч. В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович. М.: Художественная литература, 1985.
24. *Тарасенков А.Т.* Воспоминания о Шереметевской больнице. М.: Типо-литография Н.И. Куманина, 1899. 27 с.
25. *Тарасенков А.Т.* Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.
26. <*Тарасенков А.Т.*> Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1856. № 12. С. 397–427.
27. <*Филарет, святитель.*> Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи: [В 5 т.] Т. 5: 1849–1867. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1885. [4], 581, XXXVII с.
28. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. Т. 4. М.: Типография Г. Лисснер и А. Гешель, преемники Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 974 с.

STATEMENTS OF DOCTOR TARASENKOV ON THE LAST DAYS OF GOGOL'S LIFE: SCIENTIFIC AND CRITICAL ANALYSIS

Voropaev V.A.,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, balygina@nextmail.ru

In the article, Dr. Tarasenkov's notes on the last days of Gogol's life were critically analyzed. Discrepancies of the published text with draft autographs are revealed. It is established that the most important source of information for the author was the oral stories of Count Tolstoy, reproduced in the text of notes from the first person. The diagnosis of Gogol's death illness, made by Tarasenkov, relied not so much on the results of his medical examination, but rather on the prevalent ideas in society that Gogol had died from exhaustion, that is, simply put, starved himself.

Key Words: Gogol, notes of Dr. Tarasenkov, religious world outlook, death days, ascetic behavior.

References

1. Barsukov N.P. ZHizn' i trudy M.P. Pogodina. Kn. 12. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1898. H, 543 s.
2. Belysheva A. Tajna smerti Gogolya // Neva. L., 1967. № 3. S. 170–181.
3. Vajskopf M.YA. Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst. Izd. 2-e, ispr. i rasshir. M.: Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t, 2002. 686 s.
4. Voropaev V.A. Vladimir Osipovich SHervud i Nikolaj Vasil'evich Gogol' // Dinastiya SHervudov v istorii i kul'ture Rossii / Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, Rossijskaya akademiya hudozhestv, Gosudarstvennyj muzej, Nauchno-issledovatel'skij in-t teorii i istorii izobrazitel'nyh iskusstv pri Rossijskoj akademii hudozhestv; avtory-sost. E.A. Luk'yanov, YU.R. Savel'ev; pod nauch. red. YU.R. Savel'eva. M.: Fond «Svyaz' ehpoj»; «Kuchkovo pole Muzeon», 2017. S. 137–144.
5. Voropaev V.A., Peskov A.M. Poslednie dni zhizni Gogolya i problema vtorogo toma «Mertvyh dush» // Voprosy literatury. M., 1986. № 10. S. 132–146.
6. Gilyarovskij V.A. Na rodine Gogolya (Iz poezdki po Ukrainje). M.: Otdelenie tipografii Tovarishchestva I.D. Sytina, 1902. 64 s.
7. <Gogol' N.V.> N.V. Gogol' v russkoj kritike: sbornik statej / Podgotovka tekstov A.K. Kotova i M.YA. Polyakova; vstup. stat'ya i primech. M.YA. Polyakova. M.: Gos. izd-vo Hudozhestvennoj literatury, 1953. 652 s.
8. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 17 t. / Sost., podgotovka tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. M.; Kiev: Izd-vo Moskovskoj Patriarhii, 2009–2010.
9. Gogol' v vospominaniyah sovremennikov / Red. teksta, predisl. i komment. S. Mashinskogo. <M.:> Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1952. 719 s.

10. Gogol' v vospominaniyah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematicheskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: V 3 t. / Izdanie podgotovil I.A. Vinogradov. M.: IMLI RAN, 2011–2013.
11. De Lotto CH. Lestvica «Shineli» / Predisl. k publ. I. Zolotusskogo // Voprosy filosofii. M., 1993. № 8. S. 58–83.
12. Zavitnevich V. Religiozno-nravstvennoe sostoyanie N.V. Gogolya v poslednie gody ego zhizni // Pamyati Gogolya: Nauchno-literaturnyj sbornik, izdannyj Istoricheskim Obshchestvom Nestora-letopisca / Pod red. N.P. Dashkevicha. Kiev, 1902. Otd. II. S. 338–424.
13. Kartashev A.V. Vselenskie sobory. M.: Izd-vo Respublika, 1994. 216 s.
14. Kirpichnikov A.I. Opyt hronologicheskoy kanvy k biografii N.V. Gogolya // Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij: V 3 t. / Pod red. prof. A.I. Kirpichnikova. T. 1. M., 1902. S. III–CKHKHKHV.
15. <Kulich P.A.> Zapiski o zhizni Nikolaya Vasil'evicha Gogolya, sostavlennye iz vospominanij ego druzej i znakomyh i iz ego sobstvennyh pisem: V 2 t. SPb.: V tipografii Aleksandra YAkobsona, 1856.
16. Merezhkovskij D.S. Gogol' i chert (Issledovanie) // Merezhkovskij D.S. V tihom omute: Stat'i i issledovaniya raznyh let / Sost. E.A. Danilovoj. M.: Sovetskij pisatel', 1991. S. 213–309.
17. Muretov M.D. K tolkovaniyu teksta: «Tvoryaj angely svoya duhi i slugi svoya plamen' ognennyj» (Psal. 103, 4 i Evr. 1, 7) // Bogoslovskij Vestnik. 1902. № 10. S. 184–199.
18. Nekrasova E.S. N.V. Gogol'. Ego otnosheniya k grafu A.P. Tolstomu. Pis'ma N.V. Gogolya k grafu A.P. Tolstomu // V pamyat' S.A. YUr'eva: sbornik, izdannyj druz'yami pokojnogo. M., 1891. S. 239–267.
19. Palamarchuk P.G. «Klyuch» k Gogolyu // Palamarchuk P. Kozackie mogily: Povesti, skazaniya, hudozhestvennye issledovaniya. M.: Sovremennik, 1990. S. 336–422.
20. Pogodin M.P. Konchina Gogolya // Moskvityanin. M., 1852. № 5. Otd. VII. Sovremennye izvestiya. S. 47–50.
21. Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar' / Sost. protoierej Grigorij D'yachenko. M., 2013 / Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1900 g. 1120 s.
22. Proroki Vizantizma: Perepiska K.N. Leont'eva i T.I. Filippova (1875–1891) / Sost., vstup. stat'ya, podgotovka tekstov i komment. O.L. Fetisenko. SPb.: Izd-vo «Pushkinskij Dom», 2012. 728 s. – (Ser.: Russkie besedy).
23. <Pushkin A.S.> A.S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. / Vstup. stat'ya V.EH. Vacuro: sost i primech. V.EH. Vacuro, M.I. Gillel'sona, R.V. Iezuitovoj, YA.L. Levkovich. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1985.
24. Tarasenkov A.T. Vospominaniya o SHeremetevskoj bol'nice. M.: Tipo-litografiya N.I. Kumanina, 1899. 27 s.
25. Tarasenkov A.T. Poslednie dni zhizni N.V. Gogolya. Izd. 2-e, dop. po rukopisi. M.: Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson, 1902. [2], 33 s.
26. <Tarasenkov A.T.> Poslednie dni zhizni Nikolaya Vasil'evicha Gogolya // Otechestvennye Zapiski. 1856. № 12. S. 397–427.
27. <Filaret, svyatitel'.> Sochineniya Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo. Slova i rechi: [V 5 t.] T. 5: 1849–1867. M.: Tipografiya A.I. Mamontova i K°, 1885. [4], 581, XXXVII s.
28. SHenrok V.I. Materialy dlya biografii Gogolya: V 4 t. T. 4. M.: Tipografiya G. Lissner i A. Geshel', preemniki E.H. Lissnera i YU. Romana, 1897. 974 s.

Орнаментальная проза Серебряного века и «Заповедное слово» Алексея Ремизова

Карпенко И.Е.,

кандидат филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им.
А.С. Пушкина, Москва, Россия, ikarpenko@yandex.ru

В статье рассматривается поэтический язык художественных текстов крупного русского писателя 20-го века Алексея Ремизова по отношению к литературному феномену русской литературы Серебряного века – орнаментальной прозе, а также творчество этого одного из самых ярких её представителей.

Ключевые слова: русская литература, Серебряный век, художественный текст, лингвопоэтический анализ, поэтика, художественный приём, орнаментальная проза, Алексей Ремизов.

Для цитаты:

Карпенко И.Е. Орнаментальная проза Серебряного века и «Заповедное слово» Алексея Ремизова [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Karpenko.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Karpenko I.E. Ornamental Prose of the Silver Age and "Precious Word" of Alexei Remizov [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Karpenko.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В минувшем году исполнилось 140 лет со дня рождения Алексея Ремизова (1877-1957) – одного из интереснейших и самобытнейших писателей Серебряного века. Говоря о Ремизове, Марина Цветаева писала: «Не только самым живым из русских писателей, но живой сокровищницей русской души и речи считаю – за явностью и договаривать стыдно – Алексея Михайловича Ремизова, без которого... не обошелся ни один из современных молодых русских прозаиков. Ремизову, будь я какой угодно властью российской, немедленно присудила бы звание русского народного писателя... Для сохранения России, в вечном её смысле, им сделано более, чем всеми политиками вместе. Равен труду Ремизова только подвиг солдата на посту» [9, с. 368].

Ремизов – яркий представитель недостаточно изученной, но самой гениальной школы в русской литературе – «линии Гоголя» (от Гоголя через Лескова – до Ремизова и Белого). И при этом он – самый необычный и трагичный писатель первой половины XX века: и в своей прозе, и окололитературной жизни, и извивах непростой судьбы. При этом эта его «непростота», «орнаментальность», чуткость к живому языку и внимание к прихотливому русскому слову вовсе не случайно отозвались и на письме, в своеобразном рукописном «жесте» [3].

Загадки Ремизова – в его мифопоэтике, истоках и путях его «сновидчества»; в особом преломлении исторической памяти; в его очень глубокой «русскости» и специфической, но искренней православности; в объемном, «звукоцветовом» видении мира, а главное – в сплаве всего этого в единое целое, его «осиянном мире» – «подстриженными глазами».

Ремизов обладал совершенно особым даром – чутьём древности. Он как будто изнутри, на вкус, «на язык» знал русскую сказку («Сказочный дар дается с колыбели», – признавался он в одном из писем.). Максимилиан Волошин писал, что Ремизов в своих сказках «разоблачает внутреннюю сущность, древний сон каждой вещи» [1, с.509]. А русскую повесть XVII века он чувствовал настолько, что ремизовская стилизация «пахла» оригиналом (как блистательный «Савва Грудцын», например).

XVII век – вообще ремизовское время. В нем не было ни грана ортодоксальной елейности. Недаром Ремизова так тянуло к апокрифам, к устной, колдовской, языческой стихии. У него «нечистоты», озорства (вплоть до неприкрытого неприличия) было в избытке. И даже в быту, по воспоминаниям друзей, он умудрялся окружать себя «дивами дивными»: по стенам были развешаны изображения различной «нечисти» – кикиморы и лешие, вербные чёртики, «игры природы» и прочее.

Изобразительная система прозы Ремизова сформировалась не сразу. Но с первой книги «Посолонь» (1906) для Ремизова именно «лад слов», исконный строй русской речи стал мерилем художественности и характерной чертой идиолекта – невероятно образного, нарочито архаичного, подчёркнуто разговорного. Вторая книга, «Лимонарь» – это переложение религиозных преданий и апокрифов. Начав со сказки, Ремизов «переписывал» апокрифы и жития святых, а в дальнейшем, пройдя через искушение беллетризованными жанрами романа и повести, осваивает параллельные миры сновидений, посвящая им отдельные произведения. Сон Ремизов сумел по-особому вплести в свои тексты и даже создал из сновидений особый жанр («Огонь вещей», «Мартын Задека»).

В книге «Мартын Задека» сновидения становятся особым мини-жанром ремизовской прозы, являя собой как бы одно из крайних проявлений остраннения. Ремизов активно использовал этот, как он выразился, закон «беззакония» сна. Ремизов поясняет, что в его творчестве присутствует вторая разновидность снов – сны чистого воображения – не «деформированная» реальность, а «существующая самостоятельно и действующая рядом с осязаемой реальностью» (8, с. 370). Например, в сне «Чехов и жареная утка», поясняет сам Ремизов, два значения: во-первых, «весь чеховский юмор для меня в этой домашней птице», а во-вторых, утка – «какой-нибудь невероятный слух» (там же, 369).

Однако в качестве «героев» ремизовских сновидений присутствуют не только Чехов, но и Пушкин, Горький, Шаляпин, Блок, Белый, Пришвин, Розанов, Шестов, Иванов-Разумник и мн. др. Причем, выводя в «Мартыне Задеке» своих знакомых, Ремизов не только иногда выставлял их в нелепом виде в нереальных ситуациях, но и со свойственной ему пронизательностью подмечал их слабые места, «факты биографии», черты характера. Нина Берберова вспоминала, что после появления сновидений Ремизова Владислав Ходасевич – то ли шутя, то ли серьезно – предупредил: «Алексей Михайлович, имейте в виду, что я вам не снюсь...»

Из этого далёка (сказок, снов, апокрифов), отталкиваясь от него, он мифологизировал и свою собственную жизнь. Её он рассказывал, как сказку, превращая в миф в своей «мемуарной» прозе («Подстриженными глазами», «Взвихренная Русь», «Встречи: Петербургский буерак», «Учитель музыки», «Иверень», «Мышкина дудочка» и др.). Вся вторая половина творчества Ремизова сколь автобиографична, столь же мифологизирована. Он даже фамилию свою претворил в миф: Ремизов – с ударением на первом слоге, потому что от «р`емез», колядной птицы: «Большая певунья: голос не великий, маленький, только что для детей... И слывет первой у Бога».

Москвич по языку и выговору, Ремизов создает свой собственный миф и о Москве, подвергая сакрализации географическое и историческое пространство города. Однако этот миф он творит уже издали – в эмиграции, в Париже. Поэтому мифологизация у него ностальгическая, наполненная тоской по родине, поэтизацией ушедшего московского быта,

утраченной России. Как вспоминал Замятин: «Ремизов – все еще тянет соки из той коробочки с русской земли, какую привез с собой в Берлин» [2, с. 204].

Родившийся в 1877 году, в ночь с 6 на 7 июля (мистическую Купальскую ночь, подчёркивал сам Ремизов) в замоскворецких Толмачах, он сам стал «толмачом» – переводчиком старинного «русского лада». С первой книги, «Посолони», через фантастический мир сказки ярко проявилось особое отношение Ремизова к слову, сокровенным тайникам значений. Уже в названии книги – языковая игра: «посолонь», то есть «по солнцу»; так, по чередованию времен года, «с весны на зиму», и озаглавлены части книги («Весна-красна», «Лето красное», «Осень темная», «Зима лютая»). Причем Ремизов сопровождает свою книгу примечаниями, в которых не столько стремится объяснить значение слов, сколько – вместе с читателем – вникнуть в их «прасмысл»: «Церковнославянское слънь (слонь), слънь-це (слоньце), древнерусское съльнь (солонь), съльн-це (солоньце) – солнце, отсюда посьльнь (посолонь) – по солнцу» [7, с. 89].

Большую роль играет звуковая семантика слов (алалакать – причитать, от алала – вздор, бессмыслица; таратора – болтун, таранта, от тараторить – болтать, трещать, тарантить; криксы-вараксы: крикса – крикун, плакса, варакса – болтун, пустомеля, вараксать, варакосить, варакать – врать, болтать пустяки, говорить вздор). Особое значение приобретает и их смысловая трансформации в тексте, например: вытарашка: вытараска, вытарасок – кто ходит, вытараша, выпучив глаза (словарь Даля). У Ремизова вытарашка – также название вечно тревожащегося, мечущегося человека (ср.: «алая Вытарашка ... знобит неугасимая горячую кровь, ретивое сердце») и, соответственно, олицетворение любовной страсти, лишаящей человека рассудка [там же, 35, 96]. Так рождается не просто изобразительная декоративность языка, но особая орнаментальная образность, в целом определившая специфику идиостиля Ремизова.

На уровне лексической организации текста его характерными образно-речевыми доминантами выступают авторские неологизмы и окказионализмы: например, отглагольные существительные, образованные при помощи усечения («выпуль и вздор» – от выпуливать; «хлоп по глазам» – от хлопать); наречные («ударило вшиб») и глагольные новообразования ([Петр I] «лежебок вскнутнет» – от кнут) и мн. др. Таким образом, уже с первых произведений наиболее яркой чертой идиолекта Ремизова становится поэтическая актуализация внутренней формы слова и архаических образно-речевых средств, определившая своеобразие его идиостиля. Характерная черта русского языкового сознания – объяснять любую непонятную внутреннюю форму (примером тому может служить народная этимология, «языковая игра», фольклор, в том числе и городской) – в орнаментальной прозе Ремизова проявляется в том, что текст может иметь «метатекстовый» характер, то есть являться объяснением к внутренней форме (ср.: «огонь планул из сердца неудержимо» – от пламя).

Ремизов подчеркивал: «Я не романист, я – песельник». И в прозе Ремизова важен прежде всего этот песенный лад, причудливая образность, затейливые метафоры, символизация. Через плотную ткань текста романов Ремизова («Пруд», «Часы», «Крестовые сестры», «Бедовая доля» и др.) проникаешь в суть его идей, из которых основная – «игра памяти» или прапамять (он писал «пропамять»), от туманности событий – к череде образов (в том числе из ушедших времен, допетровской Руси), а от них – к картине жизни: «Я увидел весь “ад”, весь мрак нашей жизни, всю черноту отравляющую и самую весеннюю мою звонкую радость» [6, с. 241].

«Взвихренная Русь» – по сути, эпохальное в творчестве Алексея Ремизова произведение о русской революции, которое сам автор назвал «исповедью перед Россией». А «Заповедное слово Русскому народу» – это его завершающая часть, своеобразная «кода» многочастного произведения. Постепенно Ремизов создает свое собственное мифологизированное художественное пространство, причем начиная с «Взвихренной Руси» мифологизации подвергает свою собственную жизнь («По карнизам», «Подстриженными глазами» и др.).

Жанр «Взвихренной Руси» он сам определил как «временник». Некоторые исследователи творчества Ремизова квалифицировали «Взвихренную Русь» (вслед за «Зангези» Велимира Хлебникова) как «сверхповесть», а более поздние (например, Александр Лавров) определяли её жанр как «роман-монтаж» или, в русле современных представлений о тексте, как «символистский роман-коллаж», и в этом определении были безусловно справедливы [7, с. 549]. Такие произведения Ремизова, как «Взвихренная Русь», «Кукха», «Россия в письменах» и другие – это сочетание жанрово разнородных текстов, «подслушанных» в толпе диалогов, аутентичных документов, писем, стиховых, версэйных и метризованных фрагментов, объединенных стилистически и поэтически. В изукрашенную фантазией и мистификациями прозу Ремизова вплетаются мозаичные вкрапления разнообразных отрывков, сновидений, поэтических новелл, философских эссе и т. д. Художественная целостность достигается за счет монтажа, композиционных «скреп», графических средств, лейтмотивов.

Ремизов обращается к историческим фактам и пристально наблюдает за актуальными событиями – потрясениями и катастрофами своего века. А также за деяниями и действиями реальных людей и вымышленных персонажей – современных Ремизову или из давно ушедших эпох. Тонко, исподволь проводит аналогии между происходящим и происходившим. При этом «завесой», ширмой, маской для Алексея Михайловича выступают самые разные его внутри- и внетекстовые ипостаси: юродивого, писца – воронье перо, канцеляриста Обезвельволпала («основанной» им Обезьяньей Великой и Вольной палаты), «просто человека» и т. д. Он всегда утверждал, что «пришёл видеть, а не совершить». Его рассказчик время от времени вовлекаем в пучину бурных событий, коих стал свидетелем. Но вовлекаем «нехотя», не по своей воле. А потому Ремизов, как правило, выступает с позиции «соглядатая» – стороннего, отстранённого наблюдателя, а иногда – остраняющего описываемое нарратора своих текстов [4].

Но главным, конечно, оставалось его удивительное слово и «лад слов»: «Мое дело – оживить русским ладом затасканную русскую беллетристику», – утверждал Ремизов и пытался воскресить Слово, высветить, «вызвучить» его первоначальный смысл: «А слово люблю, первозвук слова и сочетание звуков»; «Почему так бледна и неповоротлива фраза русской прозы? От втиска в чужую форму. О какой крепости и яркости может быть речь? Слово в путях, и только в своем ладе свободное слово цветет». Кредо писателя: «Хочу писать, как говорю, а говорить, как говорится».

Именно поэтому слово Ремизова – полифонично: «Слово, звук, цвет – одно. То, что звучит, то и цветет», – говорил он. При этом современный ему мир и его «содержимое» Ремизов воспринимал символистски, пытаясь впаять их в древнерусский языковой код и разоблачая «древний сон» затасканных обыденностью слов. «Мой мир — совсем другой мир, это был осяянный, пронизанный звучащим светом и окрашенный звуками мир, о котором знал только я» [6, с. 59].

Виктор Шкловский относил прозу Алексея Ремизова и близких ему писателей к так называемой орнаментальной прозе. Причиной появления этого литературного направления Шкловский считал «ослабление ощущения сюжета и перенесение установки на образ» [10, с. 227]. Стремление к максимальной выразительности образа в поэтической структуре орнаментального текста изначально обусловило характерные особенности и нового типа художественного мышления и новой русской прозы вообще.

Орнаментальным текстам присуща повышенная «ощутимость» образно-речевой формы: их отличает мифологизм, активная символизация и «тропеизация», обострённое внимание к слову, его внутренней форме. Эта проза «монтажна», графически расцвечена, изукрашена сновидениями, мозаичными вкраплениями документов, различных отрывков, поэтических новелл, философских эссе и т.д.

Таким образом, упомянутая нами «линия Гоголя» в русской литературе была блистательно продолжена орнаментальной прозой Серебряного века. Помимо Алексея

Ремизова, этот литературный и языковой феномен первой половины XX века представлен в творчестве таких писателей, как Андрей Белый, Борис Пильняк (который считал себя учеником Ремизова), Евгений Замятин и другие.

Эта проза даёт богатый материал для изучения характерных особенностей художественного мышления писателей Серебряного века и позволяет говорить об особой орнаментальной эстетике данного вида художественных текстов – с присущими лишь ей изобразительными компонентами и типологическими особенностями. А лингвопоэтический анализ орнаментальной прозы, вне всякого сомнения, представляет интерес не только с точки зрения истории отечественной словесности и теории литературы, но и чрезвычайно плодотворен для постижения глубин русского языка – истинно великого Русского Слова.

Литература

1. *Волошин М. А.* Алексей Ремизов. «Посолонь» // Волошин М. Лики творчества.– Л.: Наука, 1989.– С. 508-515.
2. *Замятин Е.* Лица. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967. – 322 с.
3. *Карпенко И. Е.* Алексей Ремизов и русское слово // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике. Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике 1-3 февраля 2017 г. Москва, 2017. – С. 214-219.
4. *Карпенко И. Е.* Остраннение и отстранение как приёмы художественной литературы вообще и орнаментальной прозы в частности // Культура и образование. – Октябрь 2014. - № 10. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/10/2479>
5. *Ремизов А. М.* Собрание сочинений. Т. 5. Взвихрённая Русь. – М.: Русская книга, 2000. – 688 с.
6. *Ремизов А. М.* Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – М.: Русская книга, 2000. – 700 с.
7. *Ремизов А. М.* Сочинения. Кн. 1: Звенигород окликанный.– М.: ТЕРРА, 1993.
8. *Ремизов А. М.* Сны и предсонье. – СПб, Азбука, 2000.
9. *Цветаева М.* Из ответа на анкету журнала «Своими путями» (1925) // Цветаева М.И. Об искусстве. – М.: Искусство, 1991.
10. *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М.: Сов. писатель, 1990.

Ornamental Prose of the Silver Age and "Precious Word" of Alexei Remizov

Karpenko I.E.,

Ph.D. in Philology, Assistant Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, ikarpenko@yandex.ru

This article examines poetic diction of literary texts of the major Russian writer of the 20th century Alexei Remizov in relation to the literary phenomenon of Russian literature of the Silver Age – ornamental prose, and work of one of its brightest representatives.

Key Words: Russian literature; Silver Age; literary texts; linguopoetics analysis; poetic diction; artistical technique; ornamental prose; Alexei Remizov.

References

1. Voloshin M. A. Aleksej Remizov. «Posolon» // Voloshin M. Liki tvorчества.– L.: Nauka, 1989.– S. 508-515.
2. Zamyatin E. Lica. N'yu-Jork: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo, 1967. – 322 s.
3. Karpenko I. E. Aleksej Remizov i russkoe slovo // Ritorika i kul'tura rechi v sovremennom nauchno-pedagogicheskom processe i obshchestvenno-kommunikativnoj praktike. Sbornik materialov XXI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po ritorike 1-3 fevralya 2017 g. Moskva, 2017. – S. 214-219.
4. Karpenko I. E. Ostranenie i otstranenie kak priyomy hudozhestvennoj literatury voobshche i ornamental'noj prozy v chastnosti // Kul'tura i obrazovanie. – Oktyabr' 2014. - № 10. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/10/2479>
5. Remizov A. M. Sobranie sochinenij. T. 5. Vzvihryonnaya Rus'. – M.: Russkaya kniga, 2000. – 688 s.
6. Remizov A. M. Sobranie sochinenij. T. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren'. – M.: Russkaya kniga, 2000. – 700 s.
7. Remizov A. M. Sochineniya. Kn. 1: Zvenigorod oklikannyj.– M.: TERRA, 1993.
8. Remizov A. M. Sny i predson'e. – SPb, Azbuka, 2000.
9. Cvetaeva M. Iz otveta na anketu zhurnala «Svoimi putyami» (1925) // Cvetaeva M.I. Ob iskusstve. – M.: Iskusstvo, 1991.
10. SHklovskij V.B. Gamburgskij schet: Stat'i – vospominaniya – ehsses (1914–1933). – M.: Sov. pisatel', 1990..

Федор Достоевский. Страдания, облеченные во плоть¹

Махмудова С.М.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» факультета «Иностранные языки» Московского государственного психолого-педагогического университета rutulsveta@mail.ru

Павлюк А.В.,

магистрант факультета «Иностранные языки» МГППУ, Москва, Россия

В статье рассматривается сложный период жизни писателя – период путешествий в Италию, когда писатель был вынужден обращаться ко всем видам и источникам заработка, чтобы как-то поддержать свое доброе имя. Недостаточно внимания уделяется исследователями жанру писем Ф. М. Достоевского, которые, тем временем, сами могут по праву считаться законченным художественным произведением малого жанра со своим сюжетом, завязкой, кульминацией и развязкой. Наша работа посвящена анализу письма Ф. М. Достоевского брату Михаилу Михайловичу Достоевскому из Италии.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Италия, творчество в Италии, творческий взлет, письма к брату, основные идеи романов "Преступление и наказание" и "Игрок"

Для цитаты:

Махмудова С.М., Павлюк А.В. Федор Достоевский. Страдания, облеченные во плоть [Электронный ресурс] // Язык и текст 2018. Том 5. №1. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Makhmudova_Pavlyuk.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makhmudova S.M., Pavlyuk A.V. Fedor Dostoevsky. Suffering, clothed in flesh [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2018, vol. 5, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Makhmudova_Pavlyuk.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, который составляет сейчас гордость русского художественного слова, писатель, идеями которого до сих пор увлекаются во всем мире, философ, аскет, провел значительную часть своей жизни в Италии, где он был в 1862 году, путешествуя с Н. Страховым, в 1863 году со своим самым большим увлечением Апполинарией Суловой, и в 1868-69 годах – с женой – Анной Григорьевной.

Период итальянских путешествий Ф. М. Достоевского отмечен расцветом его таланта и творческим взлетом, которым позже будет гордиться Россия. В 1866 году публикуется роман "Игрок". В 1866 году в журнале "Русский вестник" была напечатана первая часть романа "Преступление и наказание". Известный роман "Идиот" был закончен в Италии зимой 1868 года – во Флоренции.

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

Писатель, судьба которого не отличалась особой благосклонностью к нему, один из самых тяжелых периодов своей и так непростой жизни провел в Италии. Федор Достоевский испытывал большие денежные затруднения, что было тем более ощутимо, что путешествовал писатель то с любимой – Апполинарией Суловой, то с женой Анной Григорьевной. Оба раза писатель, увлекшись игрой в казино, проигрывал огромные суммы денег, как своих, так и своих друзей, что приводило его в отчаяние, однако отказаться от своей безудержной страсти он был не в силах.

Сохранилось письмо того периода. Пользующийся уже известностью писатель вынужден был просить у брата денежной поддержки, причем из писем следует вывод, что брат Михаил также не обладал особо значительным состоянием:

- Ты пишешь, милый и добрый Миша, что тебе бог знает как трудно было читать мое письмо и вместе с тем исполнить мою просьбу о деньгах. Но если б ты знал, друг мой, как мне было тяжело от мысли, что ты непременно будешь поставлен в тяжелое положение моим письмом, то ты бы сам сказал, что я достаточно наказан за мой проигрыш. Вообще всё время ожидания твоего письма в скучнейшем Турине проведено было мною мучительнейшим образом и, главное, от тоски по тебе и всех вас. Дело в том, что с самого отъезда из Петербурга я здесь на чужой стороне ровнешенько ни от кого из Вас не получал еще никакого известия. Я бог знает что, например, выдумывал о тебе и надодумывался до таких крайностей, что просто погибал от тоски. О физических наших страданиях говорить нечего. Их и не было, но каждую минуту мы дрожали, что подадут счет из отеля, а у нас ни копейки, - скандал, полиция (sic, это здесь так, безо всяких сделок, если нет поручителя и вещей, были наяву примеры и т. д. и т. д., а я не один), гадость! Часы заложены в Женеве одному действительно благородному человеку. Даже процентов не взял, чтоб одолжить иностранца, но дал пустяки. Теперь выкупать не буду, деньги нужны, она кольцо заложила. Но у нас написан уговор для выкупа: до конца октября (здешнего стиля). Но всё это пустяки.

(Письмо от 20 сентября 1863 года, Турин).

Стиль данного письма и используемая лексика весьма интересны в том отношении, что само письмо составляет целое художественное произведение со своим сюжетом: завязкой, кульминацией и развязкой.

Рассмотрим данное письмо подробнее.

Первая фраза:

Ты пишешь, милый и добрый Миша, что тебе бог знает как трудно было читать мое письмо и вместе с тем исполнить мою просьбу о деньгах - достаточно точно объясняет состояние Ф. Достоевского, которому трудно обратиться к брату, переступить через то, что у брата, скорее всего, тоже не очень прочное в материальном отношении состояние. Всего одна вступительная фраза свидетельствует о добром отношении между любящими братьями, о понимании Федором положения Михаила, которому будет очень трудно узнать о бедственном положении брата, которого он любит, и еще труднее помочь ему, что он, конечно, же должен сделать, в чем Федор не сомневается. Эпитет “милый и добрый”, уменьшительно-ласкательное обращение “Миша” – это не необходимое в силу характера письма вступление к просьбе, а постоянно бывшие между братьями взаимоотношения.

Следующее предложение -

Но если б ты знал, друг мой, как мне было тяжело от мысли, что ты непременно будешь поставлен в тяжелое положение моим письмом, то ты бы сам сказал, что я достаточно наказан за мой проигрыш –

вместе с последним словом предыдущего предложения (о деньгах) является завязкой – началом сюжета письма. В данной фразе Ф. М. Достоевский сообщает брату о своих страданиях при мысли о том, что ему приходится обратиться к брату с просьбой, которую тому не так просто выполнить, несмотря на его горячее желание это сделать, в чем писатель вообще не сомневается. Первая фраза дает основание считать, что Ф. М. Достоевский знал и о небогатом положении своего брата, однако вынужден обратиться за помощью, так как все другие источники помощи им уже исчерпаны.

В этом же предложении находится еще одна “начинка” – извинение и стыд за то, что его действия довели его до того, что приходится ставить брата в неловкое положение вынужденности найти и послать средства:

я достаточно наказан за мой проигрыш.

Данный устойчивый оборот речи – своеобразное “посыпание головы пеплом”, однако здесь нет и намека на то, что просьбой к брату писатель берет на себя обязательство бросить игру.

Далее Ф. М. Достоевский, как и положено брату, интересуется жизнью своих близких, немного отходя в сторону от поставленной им основной цели письма, производя своеобразную вставочную конструкцию, с одной стороны, призванную смягчить просьбу, с другой, - содержащую действительную тревогу за своих родных:

Вообще всё время ожидания твоего письма в скучнейшем Турине проведено было мною мучительнейшим образом и, главное, от тоски по тебе и всех вас. Дело в том, что с самого отъезда из Петербурга я здесь на чужой стороне ровнешенько ни от кого из Вас не получал еще никакого известия. Я бог знает что, например, выдумывал о тебе и надодумывался до таких крайностей, что просто погибал от тоски.

Эту тревогу за родных людей Ф. М. Достоевский обозначает страданиями душевными, не приводя прямо данную метафору, что, однако, следует из дальнейшего текста письма:

О физических наших страданиях говорить нечего,

переходя к антониму – о физических страданиях, когда метафора душевные страдания остается не высказанной, а протупает из последующей фразы письма.

Далее писатель описывает эти физические страдания:

Их и не было, но каждую минуту мы дрожали, что подадут счет из отеля, а у нас ни копейки, - скандал, полиция (sic, это здесь так, безо всяких сделок, если нет поручителя и вещей, были наяву примеры и т. д. и т. д., а я не один), гадость!

Предупредив брата, что О физических наших страданиях говорить нечего, писатель прибегает к антитезе –

Их и не было.

Однако далее следует подробное описание образа жизни в отеле, нанизывая слова друг на друга, тем самым усиливая гротескное впечатление от написанного:

каждую минуту мы дрожали, что подадут счет из отеля, а у нас ни копейки, - скандал, полиция (sic, это здесь так, безо всяких сделок, если нет поручителя и вещей, были наяву примеры и т. д. и т. д.

Начиная со слов скандал, полиция (sic, это здесь так, безо всяких сделок, если нет поручителя и вещей, были наяву примеры и т. д. и т. д., писатель скрыто взывает к родственным чувствам брата и его чувству гордости за свою семью, когда брат – известный писатель, которым семья гордится, может попасть в скандал, имя его свяжут с полицией. А это вполне возможно (были наяву примеры), но судя по стилю письма, семья не могла себе позволить опозорить свое имя, согласно домострою в России того исторического периода.

Далее в письме следует описание брату безысходности своего положения – известный писатель, путешествующий со своей любимой женщиной Апполинарией Суловой, оказался в весьма стесненных материальных условиях, что очень неудобно и угнетающе действует на него:
а я не один), гадость!

До сего места письмо можно считать завязкой – идет объяснение причин написания просьбы. Слово же Гадость! в письме становится кульминацией – стыд, позор и неприятие писателем своего бедственного положения. С этой целью писатель ставит там восклицательный знак, что вообще-то не должно быть после описания своих страданий. Восклицательный знак здесь выполняет функцию передачи высшей точки как самого письма, так и страданий писателя.

После эпитета Гадость, усиленного восклицательным знаком, следует подробное объяснение своего положения:

Часы заложены в Женеве одному действительно благородному человеку. Даже процентов не взял, чтоб одолжить иностранца, но дал пустяки. Теперь выкупать не буду, деньги нужны, она кольцо заложила. Но у нас написан уговор для выкупа: до конца октября (здешнего стиля). Но всё это пустяки.

В этом абзаце автор письма описывает степень своего материального положения:

часы заложены; она кольцо заложила,

после которого автор ожидает, что брат ужаснется, до чего приходится унижаться писателю – пришлось сдать в залог часы любимой женщины, на которой он еще даже не женат. После описания этой подробности Ф. М. Достоевский лукавит, сообщая, что

Теперь выкупать не буду, деньги нужны,

но тут же сообщает Михаилу о том, что

Но у нас написан уговор для выкупа: до конца октября,

мол, если ты захочешь помочь мне избавиться от позора, то срок - до конца октября. Если бы писатель не лукавил здесь, то не следовало бы далее уточнение -

до конца октября (здешнего стиля).

То есть уточняется срок, в который должен успеть помочь брат.

Однако писатель не все так четко продумывает, не все у него получается уверенно описать, что свидетельствует о душевном надломе, страданиях, о том, что приходится испытать, - в данном абзаце писатель дважды повторяет одну и ту же конструкцию -

но дал пустяки; но всё это пустяки.

Повтор одной и той же конструкции в одном и том же абзаце не может быть случайным у писателя такого уровня, как Ф.М.Достоевский, - здесь это признак душевного замешательства и мучений. Это следует считать развязкой сюжета письма. После всего описанного следует душевный надлом и боль за себя и за брата, и это является развязкой события.

Первая часть письма драматична и сама по себе составляет сюжет. Вторая же часть письма - это скорее извинение за созданное им положение и объяснение.

Вскользь отвечает на ранее следовавшие вопросы Михаила о Париже, не останавливаясь на этом, так как это сейчас писателю совсем не важно:

- Ты спрашиваешь, почему я так скоро оставил Париж. Во-1-х, он мне омерзел, а во-вторых, я сообразовался с положением той особы, с которой путешествую. [.....]

О подробностях моего путешествия вообще расскажу на словах. Разных приключений много, но скучно ужасно, несмотря на А<поллинару> П<рокофьевну>.

После сразу переходит к фактам, приведшим к теперешнему плачевному состоянию, ничуть не собираясь оправдываться или обещая остановиться:

- Ты пишешь: как можно играть дотла, путешествуя с тем, кого любишь. Друг Миша: я в Висбадене создал систему игры, употребил ее в дело и выиграл тотчас же 10000 франк<ов>. Наутро изменил этой системе, разгорячившись, и тотчас же проиграл. Вечером возвратился к этой системе опять, со всюю строгостью, и без труда и скоро выиграл опять 3000 франков. Скажи: после этого как было не увлечься, как было не поверить - что следуй я строго моей системе, и счастье у меня в руках.

Данная часть письма - это прелюдия к написанному им позже роману "Игрок", в котором он точно излагает азарт во время игры, приводивший многих молодых людей к полному разорению и самоубийству.

От описания азарта писатель переходит к более приличному объяснению:

- А мне надо деньги, для меня, для тебя, для жены, для написания романа. Тут шутя выигрываются десятки тысяч. Да я ехал с тем, чтоб всех вас спасти и себя из беды выгородить.

Но не выдерживает роли и снова переходит к азарту:

А тут вдобавок приехал в Баден, подошел к столу и в четверть часа выиграл 600 франков. Это раздражило. Вдруг пошел терять и уж не мог удержаться и проиграл всё дотла. После того как тебе послал из Бадена письмо, взял последние деньги и пошел играть; с 4-х наполеондоров выиграл 35 наполеон<дор>ов в полчаса. Необыкновенное счастье увлекло меня, рискнул эти 35 и все 35 проиграл.

Брат Михаил, как следует из абзаца, сразу же должен понять, что Федор не собирается бросать игру даже после сложившегося бедственного и позорного для его статуса положения, - уж слишком красочно тот описывает свое состояние в игре. В этом убеждает и следующий абзац.

Федор Михайлович рассказывает Михаилу о том, что видел Тургенева. И пишет:

- Я не скрыл от него, что играю. Давал мне читать "Призраки", а я за игрой не прочел, так и возвратил не прочтя.

Из данного абзаца выступает вывод, что Ф. М. Достоевский продолжает играть, так как употребляет глагол играть в настоящем времени – играю. Кроме того, фраза а я за игрой не прочел, так и возвратил не прочтя также служит доказательством продолжения азартного состояния писателя.

Однако писатель осознает, что игра поставила его в очень унижительное положение:

- О моем положении никому не говори. Секрет. То есть о проигрыше, -

пишет Ф.М. Достоевский в заключение.

Иногда говорят, что рукой писателя водит Бог, что озарение и вдохновение приходят сверху. Может, писатель должен был испытать состояние азарта игрока, когда он ставит на кон все имущество, имя, все свое будущее, чтобы потом написать роман "Игрок".

Во всяком случае, многие бессмертные произведения Ф.М.Достоевского содержат автобиографичные данные, мысли и сомнения самого философа, волнующие умы молодежи до сих пор.

В основу его романа "Преступление и наказание" легли, как свидетельствует А. Сулова, его мысли, его чувства, его размышления о месте человека в мире, его роли в обществе, его правах и обязанностях, дозволенном и недозволенном человеку в его борьбе за жизнь. Тема свободы человека среди других людей, грань, за которой кончается свобода одного и начинается несвобода другого, грань, за которой кончается общение с Богом и начинается диалог с дьяволом, ощущается писателем в Италии, где он сам был поставлен судьбой перед этим выбором своего места и своей роли в жизни людей. Роман "Преступление и наказание" был написан Ф. Достоевским в 1865-1866 годах, отмечая, что «Всё сердце моё с кровью положится в этот роман».

Раскольников Достоевского – это воплощение мыслей гениального писателя, вынужденного скитаться без средств к существованию, из-за чего он прибегает даже к карточной игре, вконец его разорившей.

В Италии очень любят Федора Достоевского – он чуть ли не входит в итальянскую литературу. Об известности писателя в Италии и о знакомстве с ним итальянской творческой интеллигенции свидетельствует тот факт, что о нем уже в ту пору писали в Италии. Первая статья о Федоре Достоевском появилась в туринском журнале «Rivista contemporanea» за 1869 г. В 1881 г. с предисловием Де Губернатиса печатаются «Бедные люди» («Povera gente», 1891); «Братья Карамазовы» («I fratelli Karamazoff», v. 2, 1901); «Идиот» («L'idiota», 1902). Позже печатаются] многие другие его произведения в разных итальянских изданиях [1:5].

Роман “Преступление и наказание” входит в школьную программу в Италии, ставят спектакли по его романам, экранизируют его произведения. В Милане его именем названа улица, во Флоренции установлена доска на доме, где он жил.

Литература

1. Достоевский в зарубежных литературах. (– Под ред. Б.Г.Реизова). – Л., Наука, 1978.
2. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. – Пг., 1917. С. 194-215.

Fedor Dostoevsky. Suffering, clothed in flesh

Makhmudova S.M.,

Doctor of Philology, Professor of the Department "Linguodidactic and Intercultural Communication" of the Faculty of Foreign Languages of Moscow State University of Psychology and Education

Pavlyuk A.V.,

graduate student of the faculty "Foreign languages" of the Moscow State Pedagogical University

In the article a difficult period of the writer's life is considered - the period of travels to Italy, when the writer was forced to turn to all kinds and sources of earnings in order to somehow maintain his good name. Insufficient attention is paid to the researchers of the genre of Dostoevsky's letters, which, meanwhile, themselves can rightfully be considered a finished artwork of a small genre with its plot, string, culmination and denouement.

Keywords: Fedor Dostoyevsky, Italy, creativity in Italy, creative take-off, letters to his brother, the main ideas of the novels "Crime and Punishment" and "The Gambler".

References

1. Dostoevskij v zarubezhnyh literaturah. (- Pod red. B.G.Reizova). - L., Nauka, 1978.
2. Semenov-Tyan-SHanskij P.P. Memuary. - Pg., 1917. S. 194-215.

Мильков В.В.,
Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное
своеобразие и политическая подоплека
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 73-95.

Milkov V.V.,
The Teaching of Luka Zhidyata: ideological
and religious originality and political
background
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 73-95.

Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное своеобразие и политическая подоплека

Мильков В.В.,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии, Российская академия наук. Ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Российская Федерация, dr_milkov@mail.ru

Объектом исследования является Поучение Луки Жидяты – древнейшее произведение из жанра поучений Древней Руси. В статье анализируется идейно-религиозное содержание Поучения Луки Жидяты. Рассматриваются пункты нравственной программы произведения и ее источники. Приводятся доказательства, что архиепископ адресовал свою проповедь не всем новгородцам, а только городской элите. В содержании Поучения выявлен политический подтекст, облеченный в форму нравственных заповедей. Делается вывод о том, что в Новгороде Лука Жидята действовал в интересах киевского князя Ярослава. В приложении публикуется текст Поучения Луки Жидяты.

Ключевые слова: Древняя Русь, Лука Жидята, древнейшее русское поучение, религиозно-философская мысль, нравственность и политика.

Для цитаты:

Мильков В.В. Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное своеобразие и политическая подоплека [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Milkov.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Milkov V.V. The Teaching of Luka Zhidyata: ideological and religious originality and political background [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Milkov.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Специфика произведений древнерусской духовной письменности обычно исследуется в связи с процессами религиозной жизни страны, а политический контекст и замыкавшаяся на него идейная специфика произведения нередко остается вне внимания исследователей. Как следствие, диапазон смыслов того или иного памятника во всей его полноте оказывается не охваченным, а сами произведения недооцененными с точки зрения их значимости для идейно-религиозной жизни Древней Руси. Именно такая судьба постигла древнейшее произведение отечественной книжности - Поучение Луки Жидяты, которое в соответствии с жанровой спецификой рассматривалось исключительно в

контексте проповеднической деятельности святителя среди «младенцев по вере» [8, с. 68]. Преимущественно под этим углом зрения проповедь оценивалась как доступная для восприятия новообращенной паствы, как приспособленная для сообщения первоначальных истин веры и нравственности [8, с. 68-69; 15, с. 157; 3, с. 21]. Порой попытка разобраться в сути поднятых в Поучении вопросов заменялась характеристикой внешних признаков древнейшего авторского нравственно-назидательного сочинения. Отмечалась, прежде всего, его краткость и сжатость, а по поводу содержания делалось заключение, что текст отличается простотой выражения мысли и отсутствием риторических ухищрений [8, с. 68–69; 5, с. 10; 17, с. 80]. Современные авторы в основном повторяли оценки дореволюционных ученых, поэтому содержательную сторону произведения они сводили к череде «общих мест на тему благочестия» [21, с. 383], либо вообще выносили приговор Поучению как тексту отвлеченного смыслового содержания [22, с. 176]. Идейно-религиозному анализу произведение не подвергалось. Только в последней работе, посвященной публикации разных редакций текста и исследованию его содержания, эта проблема была поставлена [4]. В этой монографии показано, что Поучение далеко выходит за рамки формальных тем, характерных для жанра пастырских наставлений, что в доходчивую для восприятия современников Луки форму заложены глубокие смыслы, отражающие вполне конкретную политическую ситуацию. С точки зрения идейной направленности, это не простое увещевание, а облеченная в его форму политически актуальная программа. Кратко суммируем положения Поучения, их идейную направленность и те приемы, которыми пользовался новгородский архипастырь, решая архисложную для своего времени задачу.

Напомним, что Лука Жидята в 1036 г. занял новгородскую кафедру спустя пять лет после смерти первого новгородского святителя Иоакима Корсунянина,

выдвиженец которого на восприятие этой должности – Ефрем - «святительству не сподобился» [13, с. 210; 11, с. 113]. Назначение епископом осуществлялось по воле князя Ярослава и происходило одновременно с посажением на новгородский стол Владимира, старшего сына великого князя [7, стлб. 150]. О каноническом подчинении Руси Константинополю до этого времени убедительных данных нет. Первый митрополит из греков - Феопемпт - появился в Киеве между 1037–1039 гг. Однако связи с Византией и патриархией не закрепились. В 1043 г. был осуществлен военный поход на Византию, который возглавил Новгородский князь Владимир, а в 1051 г. была учреждена независимая от греков автокефальная митрополия во главе с Иларионом. Есть основания рассматривать назначение и деятельность Луки в рамках строительства великокняжеской властью независимой от влиятельного религиозно-политического центра церкви. Не случайно прибывший после смерти Ярослава на Русь грек Ефрем начал свою деятельность в 1055 г. с судебного преследования Луки [11, с. 118; 10, с. 183]. Разбирательство длилось в течение трех лет и к нему, вопреки действовавшему тогда законодательству, в качестве свидетеля обвинения был привлечен владычный холоп Дудика. Достаточных оснований для осуждения митрополичьему суду представлено не было, и удерживавшийся в Киеве епископ был освобожден. Однако по странному стечению обстоятельств он умер по дороге в Новгород 15 октября 1059 г. [11, с.118; 9, с. 54–55; 18, с. 183; 14, с. 91].

Обратимся теперь к чертам своеобразия Поучения Луки, которые остались вне внимания исследователей и подробно разобраны в нашей последней работе [4, с. 56-65]. Здесь изложим краткую обобщающую характеристику, на основании проведенного детального исследования. Суммарным обобщением

смыслов Поучения целесообразно предварить воспроизведение самого текста памятника, которым завершается данный материал.

Почему-то принято считать, что свое наставление Лука адресовал всем новгородцам. На самом деле вынесенные в качестве центральных темы имеют вполне конкретный адрес и связаны с актуальными для того исторического момента социально-политическими проблемами. Оформление ахипастырского наставления однозначно указывает на то, что Лука обращается исключительно к «братии», т. е. к социальным верхам общества, от которых владыка не отделяет себя. При обращении к широким слоям паствы практиковалась другая адресная формула - «дети». В данном случае подчеркивалась важность налаживания доверительных отношений с равными по статусу людьми, коих в иной ситуации архипастырь вполне имел право назвать «детьми», но он сознательно подчеркивает статусность в формуле своего обращения. На высокое социальное положение адресата Послания указывает и тематика статей. Целый ряд перечисленных в них проступков характерен исключительно для состоятельных и имеющих отношение к властным полномочиям лиц (тема лихвы, несправедного суда – 4, с. 164). Только к богатым новгородцам мог быть адресован призыв проявлять милость к собственным слугам (4, с. 163). Кроме того, Лука четко противопоставляет в своем наставлении «братию» простым согражданам и призывает проявлять терпение и любовь не только внутри своей привилегированной среды, но и по отношению «братии» ко «всякому человеку» (т. е. всем остальным, стоявшим ниже на социальной лестнице – 4, с. 162). Забота святителя о гармонизации межсословных отношений на основе православного вероучения свидетельствуют о том, что слово архипастыря было обращено к социальным верхам новгородского общества, от которых зависел моральный климат в общении с простыми гражданами.

Согласно центральным пунктам Поучения новгородская «братия» обвиняется в грехах, за которыми просматривается обстановка вражды и раздоров. Лука осуждает целый комплекс взаимосвязанных друг с другом грехов: «москолудство» (издевательство), охаивание ругательными словами, проявление крутого нрава, ведущего к ссорам, выражение презрения и насмешки, а также проклятия в адрес недругов (4, с. 163). Новгородский святитель в своем увещевании стремится загасить напряжение розни в Новгороде. Он призывает проявлять терпение «брат брату», не воздавать злом за зло и прекратить вражду и ссоры со взаимными претензиями и осуждением противников. По всему видно, что нравственное врачевание новгородской знати было нацелено на прекращение какого-то противостояния в правящих верхах общества.

На первый взгляд, созданная Поучением картина воспроизводит обстановку хорошо известного по историческим источникам противостояния разных групп (партий) новгородского общества. Но о внутриклановой борьбе в Новгороде в эти годы ничего не известно, зато резко обострились отношения местного боярства с Ярославом Мудрым после ухода того на великое княжение в Киев. Бывший новгородский князь, став единодержцем, предпринял целый ряд действий с целью установить жесткий контроль над Новгородскими землями, прислав туда своих ставленников в лице Владимира и Луки. Экстраординарная ситуация сложилась в Новгороде после убийства по приказу Ярослава новгородского посадника Константина. Установлено, что в летописях это событие было ошибочно отнесено к 1019/ 20 году, а на деле связано с утверждением династического великокняжеского наместничества в лице сначала младенца Ильи, вскоре умершего, а затем Владимира. Это произошло между 1030 и 1036 годами [20, с. 35–40; 16, с. 204; 23, с. 68–70]. Одновременно

Ярослав отменил льготы новгородцам по выплате выхода (дани) в Киев. Судя по всему, укрепление властных позиций княжеской власти в Новгороде и коварство в отношении новгородского посадника, который, кстати, в 1018 г. осмелился диктовать свою волю Ярославу, возбудило вражду и противодействие в новгородских верхах. Надеясь в Послании на то, что его адресат, как и сам владыка, принадлежит к «братии», Лука обозначил противостояние новгородской знати пришедшей администрации, которая по статусу уравнивалась с боярами. Кроме всего прочего, с учетом существовавших в Новгороде сепаратистских настроений политический смысл обретал прописанный в Поучении принцип повиновения сначала верховной светской власти, а затем власти духовной (4, с. 164).

В общем и целом наставление новгородского архипастыря выполняло роль идеологического средства установления политического мира с местной элитой в важнейшем из подвластных Киеву регионе. Проповедь главы новгородской церкви была опытом приложения христианских установок к задачам утверждения авторитета верховной княжеской власти. Как представитель церкви, действовавший в интересах Ярослава, Лука позиционировал себя в роли посредника между враждующими сторонами. Можно говорить о политической тенденциозности, при одновременном уважительном отношении к новгородской «братии», которую нужно было смирить перед князем и его администрацией¹.

Центральное проблемное ядро, сфокусированное на достижении желательного для власти и богоугодного с доктринальной точки зрения поведения новгородцев, соединено в Поучении с общими правилами

¹ Более подробно исторические обстоятельства, с которыми было связано появление Поучения и политические смыслы назидания новгородского архипастыря будут рассмотрены в специальной работе - «Политический элемент в нравственно-религиозной проповеди Луки Жидяты». Публикация ее появится в ближайшее время.

христианской нравственности и изложением базовых доктринальных положений. Вероучительные постулаты отобраны Лукой и сведены к самой общей и доступной для восприятия форме. Суть веры сводится архипастырем к требованию почитать единого Бога в трех Лицах, признавать воскрешение мертвых и вечные муки для грешников (4, с. 161-162). Эту часть точнее было бы назвать не поучением, а научением. Кроме того, Лука наставляет новгородцев в правилах внешнего благочестия. Он учит не лениться и ходить в церковь, а там во время служб стоять со страхом, не отвлекаться и не судачить, дома же, перед сном, обязательно молиться. При этом архиерей внушает своей пастве, что и домашняя и церковная молитва должна быть сосредоточена всецело на Боге («всею мыслью»), ради прощения грехов [4, с. 162]. Эти пожелания к новгородцам весьма незамысловаты, достаточно легко осуществимы и не могли оттолкнуть новокрещенную паству от церкви и ее новгородского настоятеля.

В свое Поучение Лука Жидята кроме наставлений с конкретным социально-политическим подтекстом, поместил целый ряд общих заповедей, формировавших христианский идеал поведения. Эти заповеди базируются на десятословии и евангельских текстах. К числу норм нравственно-должного поведения отнесены следующие правила: не убивать, не красть, не лгать, не клеветать, не завидовать, не блудодействовать, не впадать в печаль, оставить гнев, ненависть, чрезмерное пьянство, уклоняться от скверноядения и почитать святые дни (4, С. 164). Включенные в Поучение общехристианские нормы совершенно справедливо были названы «краткими аксиомами христианской морали» [2, с. 117–118]. Однако в нравственном кодексе Луки, который в этой части сопоставим со многими другими поучениями христианских пастырей, отсутствует целый ряд традиционных для подобных наставлений требований.

Не обнаруживается в своде правил Луки запрета поклоняться иным богам, отсутствует осуждение кумиропоклонения, не находится на всем пространстве Поучения ни единого осуждения языческих пережитков. В новообращенной среде подобного рода умолчание выглядит тактическим приемом, позволявшим не обострять и без того напряженную обстановку в городе, где и в XI в. и гораздо позже прочно держались дохристианские пережитки. В той обстановке чрезмерная строгость и принципиальность могла оттолкнуть приверженных к старине от церкви, а это бы шло в разрез с планами умиротворения новгородской «братии». Нереалистично в условиях феодализации звучал бы призыв к недопустимости покушения на имущество и владение ближнего (Втор. 5, 21; Исх. 20, 17). Поэтому, видимо, данной нормы среди общих правил не обнаруживается. Невыполнимое для представителей феодального сословия требование могло только осложнить решение задачи примирения представителей политического правящего класса, стяжавшего свои богатства далеко не всегда благовидными способами. Можно говорить об исключении из перечня нереальных пунктов нравственного назидания и сознательном послаблении требований ради достижения политической цели – умиротворения новгородской знати.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Творчество Новгородского святителя – это яркое и выдающееся явление культурной и религиозной жизни эпохи христианизации Руси. Поучение не было формальным и отвлеченным. И центральная тема наставления с постановкой важнейших на тот исторический момент задач, и редактирование положений нравственного кодекса – все обуславливалось реальным положением дел в Новгороде во второй четверти XI столетия. Древнейшее в отечественной письменности поучение служило делу религиозного и нравственного преобразования древнерусского общества и одновременно проведению

политической линии Ярослава в Новгороде. Используя архиерейские возможности воздействия на паству, Лука действовал в целях утверждения общерусского политического единства.

Поучение Луки Жидяты имело долгую и продолжительную жизнь в древнерусской книжности. До нашего времени оно дошло в списках XIV-XVII вв., представляющих несколько разновидностей произведения. Принято выделять списки Летописной группы, которые сохранились в составе нескольких новгородских летописей, и списки т. н. Четвье́й группы, которые воспроизводились в сборниках смешанного содержания и входили в круг душеполезного чтения. По объему текста, лексике и разного рода дополнений эти группы списков существенно отличаются друг от друга. Имеется и чисто формальное отличие. Если Летописная группа текстов жестко привязано к авторству Луки Жидяты, то списки Четвье́й группы представляют собой псевдоэпиграфы. Они фигурируют с названиями: «Словеса душеполезные святых апостолов и святых отцов», «Поучение святых апостолов», «Поучение некоего старца к людям», или вообще без указания на авторство – «Поучение о душевной пользе».

Летописная группа

К Летописной группе относят те тексты, которые были включены в состав разных редакций Новгородской IV летописи и новгородских летописей, находящихся с ней в генетическом родстве. Поучение Луки в составе Старшей редакции Новгородской IV летописи представлено т. н. Голицинским списком перв. четв. XVI в. из собрания РНБ. Q.XVII.62. Л. 115б -116а. Кроме него к

Мильков В.В.,
Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное
своеобразие и политическая подоплека
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 73-95.

Milkov V.V.,
The Teaching of Luka Zhidyata: ideological
and religious originality and political
background
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 73-95.

Старшей редакции относится т. н. Новороссийский список 70-х гг. XV в. из коллекции БАН. Собр. текущих поступлений. № 1107.

Текст Поучения, который сохранился в рукописях Младшей редакции Новгородской IV летописи, представлен следующим спискам: РНБ. Пог. № 2035. Л. 67а-68а (т. н. Строевский список, последняя четв. XV в.); БАН. 16.3.2. Л. 716-726 (т. н. Академический список первой трети XVI в.); ГИМ. Син. № 152. Л. 113б-114г (т. н. Синодальный список 1554 г.); ГИМ. Муз. № 2060, л. 111б-112б (т. н. Музейный список, датирующийся серединой XVI в.); РНБ. Ф. IV. 235. (т. н. Фроловский список 70-80 гг. XV в.).

Поучение Луки Жидяты читалось, кроме того, в составе Новгородской летописи из собрания П. П. Дубровского (РНБ. Ф. IV. 238. Л. 95б-96б. Кон. XVI – нач. XVII вв.), в которую вошли материалы из Старшего извода Новгородской IV летописи, а также в составе Карамзинской летописи (РНБ. Ф. IV. 603. Л. 253а-б. Первая треть XVI в.), которая считается первоначальным видом Новгородской IV летописи.

Четья группа

В Четьей группе выделяют Полный, Краткий и Сокращенный виды Поучения Луки Жидяты.

К Полному виду относятся списки: РНБ. Соф. № 1262. В составе сборника кон. XIV – нач. XV в. (Л. 30в-г); ГИМ. Увар. № 57. В составе Златоуста учительного втор. пол. XVI в. (Л. 251б-254); РНБ. Сол. № 840. В составе Патерика XVI-XVII вв. (Л. 48б); РНБ. Пог. № 797. В составе сборника перв. пол. XVII в. (Л. 498а-499б); РНБ. Сол. № 803. В составе сборника XVI в. (Л. 109б-110б); ГИМ. Увар. № 64. В составе сборника XVI в. (Л. 78в-79а).

Мильков В.В.,
Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное
своеобразие и политическая подоплека
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 73-95.

Milkov V.V.,
The Teaching of Luka Zhidyata: ideological
and religious originality and political
background
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 73-95.

К Сокращенному виду относятся тексты Поучения в таких рукописях, как РНБ. СПбДА. А.І.264. В составе Пролога кон. XIV – нач. XV в. (Л. 145а–145б) и РГБ. Тр. № 768. В составе сборника кон. XV в. – нач. XVI в. (Л. 234а–234б).

Краткий вид Поучения представлен следующими списками: РГБ. Ф. 205. ОИДР. № 208. В составе сборника XVII в. (Л. 74а–74б); ГИМ. Муз. № 1217. В составе сборника XVI в. (Л. 253б–254а).

Тексты Поучения Луки Жидяты в разных версиях неоднократно публиковались [11, с. 118–120; 9, с. 55; 19, с. 3–16; 5, с. 14–24; 1, с. 203–205; 6, с. 39–40; 4, с. 161–192]. Поскольку фигура Луки знаковая, а его произведение является самым древним из известных нам нравственно-назидательных сочинений, то здесь мы предлагаем воспроизведение прежде не публиковавшихся текстов Младшей группы Летописного вида. Лука был первым известным нам по имени автором оригинального сочинения древнерусской книжности и полная публикация его наследия во всех дошедших до нас списках весьма важна.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Публикация текста Поучения Луки Жидяты
по списку ГИМ. Муз. № 2060. скоропись середины XVI в. Л. 1116-1126
Из рукописи Младшей редакции Новгородской IV летописи,
в состав которой входит «Задонщина»**

Л. 1116

пѡучѣе архієппа лѹкі кѣ

Бран. Се брае первѣе все сню заповѣ и^звестно

дожни есмы вси хр^тине де^ржати вѣрова въ еде

Л. 112а

бѣ в' тр^оци слав^и во ѡца и с^на і с^та д^ха. тако * научили
апли і с^ти^и ѡци и ѡтвердиша вѣр^у до коца въ е^но б^а. вѣ
р^уите * вѣскр^нію и жизни в^енен и м^лци вѣ^нен грѣш
ны. не лените к ц^ркви х^оти и на за^ут^реню^ю. и на ѡвѣ^т
ню^ю. і на в^ер^ню. і в' свое^ѡ клѣ^ти хот^я спа^т б^ѡ помолиса
т^ѡ на постели л^ази в ц^ркви пр^иидете со стра^хѡ
б^жи^и. не молви рѣчи но ни мысли. но моли б^а все^ю
мысли^ю да ѡдасть ти бѣ грѣхы. любов^ь имѣите со
встаки ч^лк^ѡ а боле с' бра^ею и не б^ѡ ино на сер^ци. а и
но во ѡсте^х ни п^ѡ брат^ѡ г^амы не рон. да тебе бѣ
в' го^ршаа т^ои не в^рне но б^ѡ прав^ди. тако не к^аи
пр^ѡвы дѣла^а закона б^жи^а и гл^ѡв^у преложа соч^те
с^а бѣ съ с^тыми прете^рпите бра^т брат^у. и вс^ако
м^л ч^лк^у а не во^зда^те зла за зло др^у др^уга пох^ва.
да бѣ похвали вы. не мози св^ати да не р^еши

снѣ дѣаволѣ но смирѣ да бѣдѣши снѣ бѣ. не всѣ
брата ни мыслию помина^а сво^ѣ грѣхы да тебе бгѣ
не всѣди^т помните и милзите страны и ѹбо
гнѣ тѣничникѣ. и свой сиротѣ млтви вѣде
те москолѣство вѣ брае. нелѣпо имѣти не мѣ
вити срѣна слова. ни гнѣва на всѣ днѣ имѣти.
ни похритѣса ни посмѣиса никакомѣ в напа

Л. 1126

сти^ж терѣпи. на бѣ ѹповѣе имы а бѣести не имѣ
ите ни горѣдсти ни прилепѣиса инѣ творитѣ.
помна гѣ ѹтро бѣде смрѣ и гнѣ и червие. бѣте смѣ
рени и крѣцы да и послѣшници бѣдетѣ. и тво^рцы
бжѣи заповеде в горѣдаго во срѣци дѣавѣ сиди и бжѣе
слово не хоще^т принѣти емѣ. чтите стара члѣка
и рѣтѣлѣ сво^а не клени бжѣи именѣ нѣ инѣ закли
наите ни пролинаите. сѣте по прѣдѣ мѣзы не е
млните. в лѣвѣ не дѣте. бѣ боите кнѣга чтите.
рави первое бѣ тѣ^ж и гдѣ^ѣ чтите ѡ все^ѣ срѣца. иерѣа

бжѣа читите и слѣгы цр̄кѣны не ѹбїи не ѹкра не со
жи. лжи послѣ не бѣ . ни нави . ни зави . не клеве
чи. бл҃гани не сотвори ни с рабою ни с кн же не пей
бѣз года но с доводство а не до пїаства. не бѣ гнѣвли
ни напрасни бѣ . тако с радѹющими радѹ. с печѣ
ны печалѣ не гѣтѣ скверна . стѣ дни чтїте бѣ
мира съ всѣми вами ами.

Публикация Поучения Луки Жидяты
по списку ГИМ. Син. № 152.
Из Новгородской IV летописи
Младшей редакции. 1544 г. Л. 113б-114г.

Л. 113г

Поуч

ченїе архїеппа лоу

Л. 113в

ки къ братїи: ѿ

се братїе первее всего

сию заповѣдь извѣ

стно долѣжни есмы

в'си крѣтъгане дер'жа
ти и вѣровати въ
единъ бгъ въ т'рои
ци с'лавимъ. въ ѡ
ца и сна и стго дха.
яко же наоучили апо
с'толѣ стии ѡци оу
т'вер'диша вѣрою въ
единаго бга до конъ
ца. вѣроуите же въ
скрнїю и жиз'ни вѣ
ч'нѣи. не лѣнитеса
къ цркви ходити.
и на заоутренюю. и
на ѡбѣд'ню и на вече
р'нюю. и во с'вои к'лѣ
ти. хотѣ с'пати. бо
гоу пок'лонисѣ тоже

Л. 113г
на пос'телѣ лѣзи. въ
цркви прѣс'тонте съ
ст'рахомъ вжнимъ

НЕ МОЛ'ВИ РѢЧИ. НЪ
НИ МЫС'ЛИ НО МОЛИ БѢ
В'СЕЮ МЫС'ЛЮ. ДА Ѡ
ДАСТЬ ТИ Г'РѢХЫ. ЛЮ
БОВЬ ИМѢТИ СО В'СА
ЦИМЪ ЧЛѢВКОМЪ. А БО
Л'ШИ С' БРАТЬЕЮ. И НЕ
БОУДИ ИНО НА СЕРЦѢ. А
Н'НО ВЪ ОУСТѢХЪ. НИ
ПѠ Б'РАТОМЪ ЖЕ РѢ
ГАМЫ НЕ КОПАИ. ДА ПА
КИ ТЕБЕ БГѢ НЕ ВРИНЕ
ТЬ. В' ГОР'ШАГА ТОМЪ
ЛЕНІА. НО БОУДИ П'РА
В'ДИВЪ ТАКО. ГАКѠ
НЕ КАИСА П'РАВ'ДЫ ДѢ
ЛА. И ЗАКОНА БЖИА
Г'ЛAVOУ ПРИЛОЖА. ДА
П'РИЧ'ТЕ ТѠ БГѢ СЪ

Л. 114а

СТ'МИ. ПРЕТЕР'ПИТЕ
Б'РАТЪ БРАТОУ. И ЧЛО

ВѢКЪ ВЪ СЪКОМОУ ЧЕ
ЛОВѢКОУ А НЕ ВОЗДА
ИТЕ ЗЛО ЗА ЗЛО. ДРОУ
ДРОУГА ПОХВАЛИ. ДА
БГЪ ПОХВАЛИТЬ. НЕ
МОЗИ СВАДИТИ. ДА
НЕ НАРЕЧЕШИСА СЫНЪ
ДЬАВОЛОУ. НО СЪМИ
РИСА. И ДА БОУДЕШИ
СНЪ БГОУ. НЕ УСОУДИ
БРАТА НИ МЫСЛЮ ПО
МИНАМЪ СВОМЪ ГРѢХИ.
ДА ТЕБЕ БГЪ НЕ УСОУ
ДИТЬ. ПОМНИТЕ И
МИЛОУИТЕ СЪТРАНЫ
И ОУБГЫА. И ТЕМЬ
НИЧНИКЫ. И СВОИМЪ
СИРОТАМЪ МЛТИВИ
БОУДИТЕ. МОСКЛОУ
СЪТВО ВАМЪ БРАТНЕ
НЕЛѢПО ИМѢТИ. НИ

МОЛ'ВИТИ С'РАМ'НА СЪ
ЛОВА. НИ Г'НѢВА ИМѢ
ТИ НА В'САКЪ ДНѢ НИ
ПОХ'РѢТАНСА. НИ ПО
С'МѢИСА НИКАКО
МОУ ЖЕ. В' НАПАС'ТІ
ИЖЕ ТЕР'ПИ². НА
БѢГА ОУПОВАНІЕ ИМѢ
А БОУЕС'ТИ И ГОР'ДОСЬ
ТИ НЕ ИМѢИТЕ. НІ
ПРИЛѢП'ЛИСА. ИНЫ^х
Т'ВОРИ ПОМИНАИ. ГА
КО БОУДЕМЪ СМРА^а И Г'НО.
И ЧЕРВИЕ. БУДИТЕ СЪ
МИРЕНІИ И КРОТ'ЦИ.
ДА И ПОС'ЛОУШ'НИЦИ БОУ
ДЕТЕ БЖИИМЪ ЗАПО
ВѢДЕМЪ. В' ГОР'ДАГО
БО ВЪ С'РЦИ ДЬАВОЛЪ
С'БѢТЪ. И БЖИЕ С'ЛШ
ВО НЕ ХОЩЕТЪ П'РИЛ'НУТІ Е^{мв}

² Следующие две буквы: ти зачеркнуты киноварью.

Л. 114в

ч'титѣ с'тар'ца ваша
и родитѣлѣ своѣ не
кленитесѣ б'жнимъ
именемъ. ни иногo
зак'линантѣ. ни п'ро
к'линантѣ. соудитѣ
по п'рав'де. мьз'ды
не емлите. в' л'ивоу
не даитѣ. б'га сѣ бои
тѣ а к'н'зѣ ч'титѣ. ра
би пер'вое. б'га. таче*
г'оу ч'титѣ ѿ в'сего се
р'ца ер'ѣлѣ б'жимъ ч'т'ї
тѣ и слоугы цр'квны
ѣа не оуби не оукради
не сол'жи. л'живъ
пос'лоу' не боуди. не
завиди. не к'левечи.
б'л'дни не т'вори.
ни с' рабою ни с' кимъ*
не пии без' года. нw
с' доволъ. а до пиганъ

Л. 114г

с'т'ва. не боуди г'нѣ

в'ливъ. ни нап'рась

нивъ. боуди тако.

с раѹющимисѧ раѹи.

с'печал'ними печале

нѣ. не гадите с'к'ве

р'на. стѣмъ дѣи ч'ти

тѣ. бгѣ же мира со

в'сѣми вами ами

нѣ.

Литература

1. Бугославский С. Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XVIII. Кн. 2. СПб., 1913.
2. Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Из-во АН СССР, 1960.
3. Доброхотов В. Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. Октябрь. 1865.
4. Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016.
5. Евсеев И. Е. Поучение Луки Жидяты, архиепископа новгородского // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894.
6. Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1987.
7. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: Наука, 1962.
8. Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1995.
9. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. 43. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
11. Новгородская Четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.

Мильков В.В.,
Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное
своеобразие и политическая подоплека
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 73-95.

Milkov V.V.,
The Teaching of Luka Zhidyata: ideological
and religious originality and political
background
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 73-95.

12. Новгородские и Псковские летописи // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1848.
13. Новгородские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 1963.
14. Патриаршая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9. М.: Языки русской культуры, 2000.
15. *Подскальски Г.* Христианская и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб.: Византиноведение, 1996.
16. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Наука, 1963.
17. *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. II. Т. 3–4: История России с древнейших времен. М., 1988.
18. *Софийская летопись* // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.
19. *Тимковский Р. Ф.* Поучения архиепископа Луки к братии // Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. Ч. 1. М., 1815.
20. *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
21. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2009.
22. *Черная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008.
23. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003.

The Teaching of Luka Zhidyata: ideological and religious originality and political background

Milkov V.V.,

DSc in Philosophy, Leading Researcher, Federal State Department Research Institution, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaja st., 12/1 109240, Moscow, Russian Federation, dr_milkov@mail.ru

The Teaching of Luka Zhidyata is the most ancient Russian teaching. The ideological content of Luka Zhidyata's Teaching analyzes in the article. Points of the moral program and its sources are considered. Proofs are provided that the archbishop addressed the sermon not to all the people of Novgorod, but only to city elite. The moral precepts have political implication. The conclusion that Luka Zhidyata acted in interests of the Kiev prince Yaroslav. The text of Luka Zhidyat's Teaching is published in the appendix.

Key Words: Ancient Russia, Luka Zhidyata, the most ancient Russian teaching, religious and philosophical thought, moral and policy.

References

1. Bugoslavskij S. Pouchenie ep. Luki ZHidyaty po rukopisyam XV–XVII vv. [Luka Zhidyata's Teaching according to manuscripts of the 15-17th centuries]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti* [News of the Department of Russian Language and Literature]. T. XVIII. Kn. 2. SPb., 1913.
2. Budovnits I. U. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevnej Rusi (XI–XIV vv.) [Socio-political thought of Ancient Rus (XI–XIV centuries)]. M., 1960.
3. Dergacheva I. V., Mil'kov V. V., Mil'kova S. V. Luka ZHidyata: svyatitel', pisatel', myslitel' [Luka Zhidyata: prelate, writer, thinker]. M.: Mir filosofii, 2016.
4. Evseev I. E. Pouchenie Luki ZHidyaty, arkhiepiskopa novgorodskogo [The Teaching of Luka Zhidyata - archbishop of Novgorod]. In *Pamyatniki drevnerusskoj tserkovno-uchitel'noj literatury* [Monuments of Old Russian Church Literature]. Vyp. 1. SPb., 1894.
5. Krasnorechie Drevnej Rusi (XI–XVII vv.). [Eloquence of Ancient Russia (the 11-17th centuries)]. M., 1987.
6. Dobrokhotov V. Sv. Luka ZHidyata, vtoroj episkop novgorodskij [St. Luca Zhidyata, the second Bishop of Novgorod]. In *Strannik. Oktyabr'*. [Wanderer. October]. 1865.
7. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T.1. M.: Nauka, 1962.
8. Makarij (Bulgakov), mitropolit. Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church]. Kn. 2. M.: Iz-vo Valaamskogo monastyrya, 1995.
9. Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo [Novgorod chronicle on the list of P. P. Dubrovsky]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. T. 43. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004.
10. Novgorodskie i Pskovskie letopisi [Novgorod and Pskov chronicles]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian chronicles]. T. 4. SPb., 1848.

Мильков В.В.,
Поучение Луки Жидяты: идейно-религиозное
своеобразие и политическая подоплека
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 73-95.

Milkov V.V.,
The Teaching of Luka Zhidyata: ideological
and religious originality and political
background
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 73-95.

11. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov [Novgorod's first chronicle]. М.; Л.: Iz-vo AN SSSR, 1950.
12. Novgorodskaya CHetvertaya letopis' [Novgorod fourth chronicle]. In Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian chronicles]. Т. 4. Part 1. М.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000.
13. Novgorodskie letopisi [Novgorod chronicles]. In Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. Т. 3. М., 1963.
14. Patriarshaya letopis' [Patriarchal Chronicle]. In Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. Т. 9. М.: Languages of Russian culture, 2000.
15. Podskal'ski G. Hristianskaya i bogoslovskaya literatura v Kievskoj Rusi (988–1237) [Christian and theological literature in Kievan Rus (988-1237)]. SPb.: Vizantinorossika, 1996.
16. Rybakov B. A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. Legends. Bylins. Annals]. Moscow: Nauka, 1963.
17. Solov'ev S. M. Sochineniya [Collected Works]. Kn. II. Т. 3–4: Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen [History of Russia since ancient times]. М., 1988.
18. Sofijskaya letopis' [Sophian Chronicle]. In Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicle]. Т. 6. Vyp.1. М.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000.
19. Timkovskij R. F. Poucheniya arkhiepiskopa Luki k bratii [Archbishop Luka's teachings to the brotherhood]. In Russkie dostopamyatnosti [Russians memorabilities]. CH. 1. М., 1815.
20. Tihomirov M. N. Issledovanie o Russkoj Pravde [Research on the Russian Truth]. М.; Л.: Iz-vo AN SSSR, 1941.
21. Franklin S., Shepard D. Nachalo Rusi [The beginning of Russia]. SPb., 2009.
22. CHernaya L. A. Antropologicheskij kod drevnerusskoj kul'tury [Anthropological code of Old Russian culture]. М., 2008.
23. YAnin V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniki]. М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003.

Осмонова Н.Ы.,
О некоторых проблемах использования фразеологизмов
в качестве художественных средств
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 96-103.

Osmonova N.I.,
On some problems of the use of
phraseological units as artistic means
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 96-103.

О некоторых проблемах использования фразеологизмов в качестве художественных средств

Осмонова Н.Ы.,

Кыргызский национальный университет им.Ж.Баласагына, Республика Кыргызстан, г. Бишкек, улица Чуй 96, 720000, Onargul@mail.ru

Фразеологизмы, которые содержат в своем значении художественность, эмоциональную ценность, экспрессивность, в художественных произведениях не всегда могут полностью раскрыть ситуацию, обстоятельство, поэтому между компонентами таких фразеологизмов встречаются вставленные автором свободные слова, словосочетания из разных частей речи. Такой метод способствовал появлению дополнительных значений в фразеологизмах.

Писатель, мастерски используя в своем произведении изменения форм фразеологизмов, типа замены, присоединения или появления новых слов с изменением значений фразеологизмов, используя свободные слова, словосочетания между компонентами фразеологизмов, демонстрирует желание уточнить способы выражения нюансов излагаемой мысли. Появление нового индивидуального характера фразеологизмов или нового варианта обуславливает не только разного рода художественно-стилистические возможности, но и способствует появлению разных вариантов фразеологизмов, развитию фразеологии в языке.

В данной статье на примере конкретных примеров рассматриваются проблемы развития фразеологии в авторской редакции.

Ключевые слова: фразеологизмы, вставка слов, части речи, дополнения, уточнения, переносное значение, эстетика.

Для цитаты:

Осмонова Н.Ы. О некоторых проблемах использования фразеологизмов в качестве художественных средств [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Osmonova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Osmonova N.I. On some problems of the use of phraseological units as artistic means [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Osmonova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Фразеологизмы в языке появляются не для того, чтобы обозначать новые понятия, новые значения. Эти понятия и значения уже существуют в языке, фразеологизмы же служат для выражения ещё более экспрессивного, эмоционального состояния, отличаясь образностью и переносным значением. Учитывая коммуникативные условия, изменение структурного компонента

фразеологизмов с помощью «вклинивания» слова или словосочетаний позволяет создать особую неповторимую форму предложения, сделать предложение еще более образным. Следует отметить, что слова и словосочетания, введенные между компонентами фразеологизмов, чаще всего относятся к разным частям речи. В данной статье мы проанализируем использование между компонентами фразеологизмов местоимений, наречий, особой формы глагола, также частиц и модальных слов.

Использование местоимений между компонентами фразеологизмов.

Местоимения, выступая самостоятельно, имеют абстрактное значение, а внутри контекста, конкретизируясь в зависимости от ситуации, употребляясь между устойчивыми словами, влияют на экспрессивность предложения:

1. *Эси чыгып, көзү алардан өткөн Белек тизгинин буруп, оолактоого шарт табылбай, жөн эле өтмөкчү болду* (С.201).
2. *Бөлүнгөн субайлар арасында жарганаттай түгү бар, бир кара жал туураланып, мөңкүп, ойноп келет. Жигиттин көзү ошого түшөт* (С.11).
3. – *Кайдан ырчы болуп, ырчынын азабын тартып жүрөсүң? – деп карыя күлүмсүрөдү.*
– *Маңдайыма ошондой жазылганбы ...* (С.304)
4. *Ушулардын амалын таап, ажалын жеткиресиң. Калгандарынын эсебин өзүм табам* (С.48).

В вышеприведенных предложениях между компонентами таких фразеологизмов, как *көзү өткөн, дилинде ант берди, көзү түшөт, маңдайыма жазылганбы, эсебин табам* вставлены такие местоимения, как *алардан, өзүнө-өзү, ошого, ошондой, өзүм*, в результате приобретая значение конкретности, уточнения.

Использование наречий между компонентами фразеологизмов.

Наречия, которые стилистически являются нейтральными, встречаясь между

компонентами фразеологизма, могут выражать значение художественности.

Это наблюдается в следующих предложениях:

1. *Капшыттан орун көрсөтөт. Ылдый карап отурган коноктун көзү бир кезде көтөрүлөт* (С.28).
2. *Чоду калптан тыбырчылап безилдейт:*
– *Теримди түлкүчө сыйрышат* го, ыя туюп калышса – деп, элеңдеген болуп, эки жакка мойнун созот (С.37).
3. *Башына ак патис бууган баланын көңүлү ошондо көтөрүлдү* (С.202).
4. *Тилдерин канчалык тапташса да, «Маймудрасул» деген сөз бир да бирөөсүнүн эсине түшпөдү* (С.334).
5. *Жакшы үмүттө, жакшы тилекте дүүлдөп аттанган немее максатына жетпей калганды мындай кой, Бексейиттин азуусунан зорго кутулуп чыгып, эски журтуна конушу көңүлүн сындырды* (С.225).

В первом предложении такие производные и производящие наречия, как *бир кезде, түлкүчө, ошондо, канчалык, зорго*, использованы между компонентами таких фразеологизмов, как *көзү көтөрүлөт, теримди сыйрышат, көңүлү көтөрүлдү, тилдерин тапташса да, азуусунан кутулуп*, создавая значение уточнения, дополнения.

Использование причастий между компонентами фразеологизмов.

Причастие – это одна из особых форм глагола, которая, сочетаясь с именами, показывает признаки состояния, действия признака. Причастия, которые находятся между компонентами фразеологизма, можно увидеть в следующих предложениях из произведений К. Осмоналиева:

1. *Ошол Төрөгелди Кененсары менен болгон кармашта пайдасы тийбей кыжынса да, келатканын угуп, жүрөгү сүйүнгөндөн калтаарый түштү* (С.170).
2. *Бир эссе дениндеги албырган ысык сууп, жоошуп, сабыр келтирди. Чамгаракка, уукка тигилди*(С.273).

Причастия, которые образованы с помощью присоединения аффикса **-ган**: *сүйүнгөндөн, албырган* совместно с такими фразеологизмами, как **жүрөгү калтаарый түштү, дениндеги ысык сууп** показывают экспрессивность данных предложений.

Использование деепричастий между компонентами фразеологизмов. Сохраняя значение действия и состояния, не изменяя грамматическую категорию, данная особая форма глагола во всех видах стилистики используется в нейтральном значении, а находясь между компонентами фразеологизмов, изменяет свою структуру, тем самым усиливая значение:

1. *Канжыгадагы сырты булгары томпойгон немее Бопукан көзүнө чалдыкты. Негедир **жүрөгү шуу эте туйлап**, демиге таноосу кыпчылды*(С.172).
2. *Суусар бөркү бутакка илинип, өзү өйдөлөнүп калган жигиттин ууртунан шүүшүн кан сызылып, кыймылдабаганы менен **көзү кыбыңдап тирүү*** (С.140).
3. *Алыстан турнабай салып таанып, буларды тостубу, же **ниети чындап карардыбы**, жоон топ куралчан жигиттер менен Алыбек бери, середе турат*(С.236).

В данных предложениях, деепричастия, которые образованы с помощью таких аффиксов, как **-а, -ып**: *шуу эте, кыбыңдап, чындап*, были использованы между компонентами таких фразеологизмов, как *жүрөгү туйлап, көзү тирүү, ниети карардыбы*.

Использование частиц между компонентами фразеологизмов. Частицы придают грамматическое значение не только одному слову, но и целому предложению. Сочетаясь с другими словами, они придают предложению значение *ограничения, усиления, предположения, уточнения, определения, отрицания, вопроса* [1, 2008: 259].

1. Аюке чоочун үн жакка карай калгыча, **көзү андан бетер ымыр-чымыр болуп, аттан кулап түштү** (С.198).
2. Демейде эле алты ооз сөздүн башын бириктире сүйлөп, бирөөгө тике айта албаган ал кишичиликтен чыккандай дал болуп, **оозун гана ачат**(С.39).
3. Түшүнөн кийин түпөйүл болуп жүргөн **жүрөгү ого бетер туйлап, апкаарыйт**(С.172).
4. Аны колго түшүрө албасына сарбаздар көзү жетти. Кутулганына өз **көзү да жетти** (С.71).

Здесь такие частицы, как *андан бетер, гана, огобетер, да*, дополняют фразеологизм значением уточнения, ограничения.

Использование подражательных слов между компонентами фразеологизмов. Подражательные слова, которые очень часто используются для выражения звуков в устной речи, в художественной литературе, в живом явлении языка, между компонентами фразеологизма служат выражению точности, образности мысли.

Оо, чиркин! Кызарган жемге ободогу куш түшөт, айланып. Баалуу буюмга көз жалт кадалып, тирүүжанкылчактайт (С.50).

Здесь подражательное слово *жалт*, находясь между компонентами фразеологизма *көз кадалып*, выражает образность, тем самым улучшая стилистическое качество речи.

Использование модальных слов между компонентами фразеологизмов. Модальные слова, которые в своем значении показывают справедливость, честность высказанной мысли в предложении, точку зрения разговаривающего по отношению к тому, о чем идет речь. Такого рода модальные слова хотя и редко, но встречаются между компонентами фразеологизмов. Например, *Экөө жайланып көмүлгөндөн кийин, жүрөгүнө эмнегедир аёо сезими келди* (С.67).

Здесь речь идет о пастухе, который хотел мести своим врагам. Когда он хоронил двух врагов, у него появилось чувство жалости. У него на душе почему-то появилась не месть – *жүрөгүнө эмнегедир*, а чувство жалости (перевод наш – О. Н.) – *аёо сезимдин келгендиги*, тем самым автор показывал особую стилистическую фигуру.

Использование ряда слов между компонентами фразеологизмов.
Писатели, поэты, при образовании художественности, в целях повышения эмоционально-оценочного значения, в зависимости от необходимости, между компонентами фразеологизмов используют не только отдельные слова, но и ряд слов. Широко использованный такой стилистический метод, не повредив общему значению фразеологизмам, наоборот, добавляет семантику усиления значения фразеологизма.

Писатель К. Осмоналиев результативно использует в своей речи такой метод:

1. *Укен көз кыйыгын эринин жүзүнө салды* (С.250).
2. *Дүйшөнкулдун эки көзү алдыда бараткан Акбоз менен Чабдарга түшөт* (С.199).
3. *Чогулуп эс алганда комуз чертип эрмек болот. Куттуу үйдө айткыс ырдын күнү чөп алачыкта эки эссе тууду.*
4. *Аймагына чексиз бийлик жүргүзүү укугуна жеткенсиген Ормон үйүнө батпай, эки жоон санын алма-терме мыткып, көңүлүнө чакырууга келбеген Куртка беги кайра-кайра түшүп отурат эле* (С.65).

Вне контекста фразеологизмы не всегда конкретны в своем выражении, тем самым слабо выражая и образность. В вышеприведённых примерах между компонентами фразеологизмов вставлен ряд словосочетаний, который состоит из двух и более слов (ряд слов между компонентами фразеологизма в четвертом предложении состоит из 6 слов). Находясь между компонентами фразеологизмов, они уточняют, усиливают, конкретизируют значение, в

некоторых случаях дополняя первичное значение, усиливают образность, тем самым уточняя мысль автора текста.

Отсюда вопрос: писатель вставляет слова и словосочетания между устойчивыми словосочетаниями с целью усиления художественности или от невозможности выразить свою мысль имеющимися средствами? По нашему мнению, писатель вынужден распространять фразеологические единицы вставленными компонентами для выражения художественной целостности, точности и конкретности выражаемой мысли.

Таким образом, К. Осмоналиев, мастерски использует такой художественный метод, как использование между устойчивыми словосочетаниями свободных слов и словосочетаний, добиваясь яркости и четкости художественного образа.

Литература

1. *Абдувалиев И.* Морфология кыргызского языка. Бишкек: ЖЧК "Полиграф-ресурс", 2008. 283 с.
2. *Аширбаев Т.* Стилистика кыргызского языка. Бишкек, 2001. 171 с.
3. *Байжигитов К., Жунусалиева К.* "К.Осмоналиев: Тайна творческого мастерства", Бишкек, 2003. 118 с.
4. *Гашева Л. П.* Влияние семантических свойств процессуальных фразеологизмов на расположение их компонентов внутри единицы // Семантико-грамматические свойства фразеологизмов рус.яз. Челябинск: Изд-во Челяб.гос.пед. ун-та, 1985. С. 107-114.
5. *Назаров А. П.* Фразеологическая стилистика кыргызского языка. Бишкек: "Кыргызстан", 1998. 112 с.
6. *Осмоналиев К.* Вражда кочевников. Бишкек: Кыргыз энцикл. глав ред., 1993. 701 с.
7. Фразеологический словарь киргизского языка (на кирг. яз.) // отв. ред. Ж.Осмонова. Бишкек: КТМУ, 2001. 518 с.

On some problems of the use of phraseological units as artistic means

Osmonova N.I.,

*Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn, Republic of Kyrgyzstan, Bishkek,
Onargul@mail.ru*

Phraseological units that embrace artistry, emotional value, expressiveness in their meaning, can not fully disclose the situation, therefore, between the components of such phraseological units there are free words, word combinations from different parts of speech. This method, contributed to the emergence of additional meanings in phraseological units.

The writer, masterfully using in his work changes already established forms of phraseology, on such phenomena as replacement, joining, or promoting the emergence of new meanings of phraseological units by an innovative method, the use of free words, phrases between components of phraseological units, showed his worldview, relentless pursuit, the language essence. The appearance of anew the individual character of phraseological units or the appearance of a new variant, causes not only various artistic and stylistic possibilities, but also contributes to the emergence of different versions of phraseological units, enriching the world of phraseology in the language.

Appearing in different situations and conditions, using an individual method to introduce additions from the lexico-semantic side to primary values to components within phraseological units, using phraseological units as aesthetic means, the writer created spiritual value in his works. In this article, this type of problem is revealed using specific examples.

Key Words: phraseological units, insertion of words, parts of speech, additions, clarifications, figurative meaning, aesthetics.

References

1. Abduvaliiev, I. (2008). Morphology of the Kyrgyz language. Bishkek: ZhCHK "Polygraph-resource", 283 p.
2. Ashirbaiev, T. (2001). Stylistics of the Kyrgyz language. Bishkek: "Mektep", 171 p.
3. Gasheva, L. P. (1985). Influence of semantic properties of procedural phraseological units on the location of their components within a unit // Semantico-grammatical properties of phraseological units of Russian. Chelyabinsk: Publishing house of Cheleb.Gos.ped. university, pp.107-114.
4. Nazarov, A. P. Phraseological stylistics of the Kyrgyz language. Bishkek: "Kyrgyzstan", 1998. 112 p.
5. Osmonaliyev, K. (1993). The nomad race. Bishkek: Kyrgyz encyclical. Chief Editor. 701 p.
6. Phraseological dictionary of the Kirghiz language (on the kirghiz language) (2001). // otv. Ed. Osmonova, ZH. Bishkek: KTMU, 2001. 518 p.

Фольклорные образы в повести О.И. Сенковского «Записки домового»

Мазурина И.А.,

студент-магистр Московский государственный областной университет 105005, г.
Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

В статье рассматриваются фольклорные образы в повести О.И. Сенковского «Записки домового». Автором проанализирован корпус текстов по фольклористике и на основе этих работ сделан анализ художественного произведения. Доказано, что использование как традиционных фольклорных образов, так и образов, измененных автором, напрямую говорит о замысле и идее произведения.

Ключевые слова: фольклорные образы, фольклористика, фантастическая повесть, мифологический метод, сатира, сатирическая повесть.

Для цитаты:

Мазурина И.А. Фольклорные образы в повести О.И. Сенковского «Записки домового» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Mazurina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Mazurina I.A. Folklore images in the story of O.I. Senkovsky's "Notes of the House" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Mazurina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Повесть О.И. Сенковского «Записки домового» была написана в 1835 году, и впервые напечатана в журнале «Библиотека для чтения» (Том XIII, №86 за 1835 г., стр. 71 – 120), редактором которого являлся сам О. И. Сенковский. Это произведение, как и многие другие, было опубликовано под псевдонимом Барон Брамбеус, автор нередко прибегал к этому псевдониму, и скоро Барон Брамбеус стал неким образом, живущим своей жизнью и имеющим свои взгляды и идеи. Барон Брамбеус писал статьи для «Библиотеки...» и имел свою биографию («Фантастическое путешествие Барона Брамбеуса»). О. И. Сенковский был известен, как ученый-ориенталист, поэтому он и не хотел, чтобы его произведения ассоциировались с ним как с личностью, имеющей уже определенную репутацию в обществе. В связи с этим он взял себе литературный псевдоним. К тому же в те годы многие знаменитые писатели публиковались не под своими именами.

«Записки домового» - сатирическая повесть, высмеивающая ученые изыскания того времени. Однако в данной работе нам бы хотелось проследить истоки появления фольклорных образов в произведении (например, образа домового) и определить, как это влияет на все произведение в целом, как фольклорный образ помогает воплотить общий замысел.

Повествование в произведении ведется от первого лица, от лица героя-рассказчика. Уже благодаря названию повести и подзаголовку («Рукопись без начала и без конца, найденная под голландскою печью во время перестройки»), мы можем понять, что главным героем будет домовый.

Для того чтобы мы могли четко представить, кто же такой домовый и каковы истоки этого образа, необходимо обратиться к работам по фольклористике.

В традиционном понимании домовый – это душа жертвы (человека или животного), принесенной во время строительства дома. В более поздних верованиях, когда принесение жертвы было заменено другими обрядами, домовым считалась душа человека, который первым умер в доме. Раньше прочих порог нового жилища переступал пожилой человек, т.к. считалось, что он скоро должен будет умереть и стать духом этого дома. Отсюда и традиция первым в новый дом пускать курицу или кошку, таким образом отводя им роль жертвы, а соответственно и домового [Криничная 2004:].

Также нередко домового представляют как синтез душ всех умерших предков.

Б.А. Успенский в своей работе «Филологические изыскания в области славянских древностей» говорит о том, что домовый, прежде всего, - это одно из воплощений Рода. Он пишет: «Показательно сообщение Даниила Заточника, что «дѣтибѣгають Рода» (Зарубин, 1932, с. 24), где, по всей вероятности, слово род обозначает домового, — ср. род «домовой», рода «призрак» (Даль, IV, с. 10—11) и вместе с тем роды «предки» (Якобсон, 1959, с. 267). Ср. также такое название для домового как родитель и вообще очевидную связь домового с культом предков (см. ниже, экскурс XIV); при этом слово родитель по отношению к усопшим означает не столько п р е д к о в , сколько вообще р о д с т в е н н и к о в (таким образом именуются, например, и те члены рода, которые умерли во младенчестве и не оставили по себе потомства), и поэтому было бы точнее говорить вообще не о культе предков, но именно о к у л ь т е р о д а (связь понятий «предок» и «родитель» отразилась в современном молодежном жаргоне, где, напротив, слово предок выступает в значении «родитель») [Успенский, Б. А. 1982:]

Большой интерес для нашего исследования представляет также работа М.Забылина «Русский народ», в которой он выделяет признаки домового:

- домовый – это дух, не имеющий телесного воплощения;
- домовый не делает зла (по мнению М. Забылина, это его и отличает от Сатаны);
- живет на печи, что очень важно для нашего исследования, если вспомнить подзаголовок повести О.И. Сенковского;
- если домовому нравятся хозяева дома, он может предупредить их о несчастье (бьет дверьми, издает различные звуки, воеет, плачет), если же нет, он может бить посуду или другие предметы (здесь, скорее всего, имеется в виду то воплощение домового, которое сегодня называют полтергейстом).

Важно отметить, что эти признаки в целом не могут описать домового, т.к. его воплощения разнятся в зависимости от времени и источника. Наиболее полно эту проблему осветила Н.А. Криничная, и в дальнейшем мы будем опираться преимущественно на ее работу.

Теперь попробуем разобраться, как же домовый представлен у О.И. Сенковского.

Начнем с подзаголовка: «Рукопись без начала и без конца, найденная под голландскою печь во время перестройки».

Рукопись. Значит, у домового есть руки, он может писать, вследствие чего мы можем сделать вывод, что это не просто дух, он имеет телесное воплощение, что уже противоречит представлениям, описанным в работе М.Забылина.

«Рукопись без начала и конца...» Вначале мы видим, что рукопись как будто сохранилась не полностью, и даже если герой вел свой дневник ранее, мы почти ничего не знаем о его жизни. Такой прием очень характерен для романтизма. Это помогает создать тайну, которая,

правда, так и не будет раскрыта. К тому же, рассказ от первого лица помогает нам лучше понять душу героя, - это тоже прием, больше характерный для романтизма.

Из «прошлой» жизни домового мы можем узнать только о том, как и от чего он умирал (от чахотки). И то, что у него есть две сестры и жена. Жена, которую он очень любил, как и она его. Возможно, именно эта любовь сделала из него домового. Существуют поверье о том, что души умерших становятся домовыми, чтобы всегда быть рядом со своими близкими.

Также интересно представление самого домового (героя повести О.И. Сенковского) о смерти как о некоем благе. Смерти боится только наше тело, душа смерти совсем не боится, потому что только телу она грозит разрушением. И после смерти единственное, что остается от человека, - это разум. Не чувства, не эфемерная душа, а разум, точнее, разум и есть душа.

«Состояние человека невыразимо с той минуты, как плоть отказывается от дальнейшей работы на его существо и предоставляет зданию ведению неведущего начала, духа, или, как его зовут часто, разума. Разум светистой волною разливается тогда по всему телу и выходит из него во все поры в виде радужного, нематериального испарения; оно образует около него эфирное облако: тело как бы завешано в атмосфере своего духа. Я тут впервые увидел мысль вне человека» [Сенковский, О.И. 1990. С.48]

«Весь мой дух скопился около юной супруги; я окружил еще недавно обожаемую женщину своей душой, которая лелеяла ее в своих объятиях, проникала во все ее чистое и красивое тело и смешивалась внутри его с ее духом. Это не была любовь, потому что я уже не мог любить, но нечто торжественнее любви: милое женское существо, с поникнутою головкою и заломанными руками, сидело в облаке неземного света, который дивным образом усиливал ее прелести и придавал ей почти небесную красоту» » [Сенковский, О.И. 1990. С.49]

Здесь рисуется очень противоречивая картина. Дух, который оставил после себя записки. И дух, который руководствуется только разумом и больше не может любить. К тому же этот дух считает смерть высшим благом. Жаль, что мертвецы не могут еще раз умереть, «одним наслаждением больше».

Домовой описывает свой разговор с «мертвецом». И отсюда можно сделать вывод, что домовые по статусу выше, чем обычные мертвецы. Со свойственной О.И. Сенковскому сатирой, преимущество домовых он (а точнее, мертвец) видит в возможности украсть у людей любой предмет.

Мертвец выглядит, как скелет. То есть у него есть плоть. И этот скелет бывший хозяин дома - Иван Иванович. Он пришел в гости к домовому с кладбища. Почему он сам не стал домовым? Это немного противоречит поверьям, о которых можно прочесть в работах по фольклористике.

«Я подошел к камину, взял ее в руки и хотел положить в жаровник, потому что не люблю беспорядка и вовсе не одобряю тех домовых, которые ночью переставляют стулья и вытаскивают подушки из-под голов, как кто-то вдруг схватил меня за шею и стал душить, целуя изо всей силы» » [Сенковский, О.И. 1990. С.51]

Еще одна особенность домового, описанная во многих работах, - домовые не любят беспорядка. Однако обычно домовые переставляют предметы, желая отомстить нерадивой хозяйке, например, за неубранную на ночь посуду. Наш же герой, наоборот, не одобряет таких домовых и считает, что это они наводят беспорядок, переставляют предметы в доме.

Далее домового кто-то начал душить, хотя обычно душат людей сами домовые:

« Также наваливается во время ночи на спящего и давит его так, что в это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать слова. Обыкновенно эта стена наваливается на того, кто спит на

Мазурина И.А.,
Фольклорные образы в повести О.И. Сенковского
«Записки домового»
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 104-108.

Mazurina I.A.,
Folklore images in the story of O.I.
Senkovsky's "Notes of the House"
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 104-108.

спине, в это время спрашивает, к худу или к добру, а домовый отвечает мрачным голосом «да» или «нет»» [Забылин М. 2014]

Другом нашего домового оказывается черт Бубантес (черт журналистики, также встречается в повести О.И. Сенковского «Большой выход у Сатаны»). Хотя, несмотря на то, что домовые - порождение языческого миропонимания, христианством они также не отрицаются, и они не боятся икон и молитв. Однако наш домовый не очень-то совместим с христианством, он ближе к нечистой силе.

Зовут домового Чурка. Это имя дал О.И. Сенковский своему герою неспроста, вот, что пишет об этом Н.А. Криничная: «Зооморфный символ домового, живущего в печурке, зафиксирован и поговоркой: «Была и кошурка, да ушла в печурку». Его семантические эквиваленты содержатся и в других паремиях: «Вылез, как чура из печуры», а также в загадках: «У нас в печурочке золотые чурочки» (отгадка: дрова в печи). Поскольку Чур («чур меня!») или Щур («пращур») — по мнению некоторых исследователей, предок, дед, все тот же домовый, а «чурка» — его деревянное изображение, появившееся, очевидно, тысячу лет тому назад (эквивалент: полено средних размеров), локализация «чурок» («чурочек») в печурке усиливает отождествление названных персонажей» [Криничная Н.А. 2004]

Иван Иванович – хозяин дома, пришел в свой бывший дом к супруге. И пусть он грешен, и даже после смерти его трудно назвать джентльменом, он, кажется, любит свою жену, и это держит его здесь, на земле, рядом с домом. В этом факте отражается древнее поверье о том, что мертвецы любят приходить к своим бывшим возлюбленным и плакать. Они как будто и после смерти сохраняют свои прежние привычки.

Иван Иванович так и остается хозяином дома, пусть даже мертвым, а Чурка – его домовым.

Чурка любит свою хозяйку. Он хочет видеть ее добродетельной. Ему неприятны «шутки» Бубантеса, но все-таки он им поддается. Такова природа человека, ничего не поделать.

При написании повести О.И. Сенковский явно опирается на фольклорные образы, однако, пересматривает их в соответствии с замыслом своего произведения. Домовые, черти и мертвецы меняются, потому что меняется мир вокруг них. Люди вокруг настолько порочны, что это влияет даже на потусторонние миры. Главная особенность повести – это, конечно же, сатирический пафос, которому и подчиняются все прописанные образы.

Литература

1. *Забылин, М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. / О. А. Платонов. М.: Инст. русской цивилизации, 2014. 688 с.
2. *Каверин, В.А.* Барон Брамбеус. История О. Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» / В.А. Каверин - М.: Художественная литература, 1966. 239с.
3. *Криничная, Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004. 1008с.
4. *Сенковский, О.И.* Записки домового: фантастические повести / О.И. Сенковский. М.: Правда, 1990. - 406с.
5. *Успенский, Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей / Б.А. Успенский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.С.

Folklore images in the story of O.I. Senkovsky's "Notes of the House"

Mazurina I.A.,

Student-master of Moscow State Regional University 105005, Moscow, ul. Radio, 10A, Russian Federation

Folklore images in O.I. Senkovsky's "Notes of the Brown Man." The author analyzes the corpus of texts on folklore studies and based on these works an analysis of the work of art is made. It is proved that the use of both traditional folklore images and images modified by the author directly speaks about the idea and idea of the work.

Key Words: folklore images, folklore, fantastic story, mythological method, satire, satirical novel.

References

1. Zabilin, M. Russian people. His customs, rituals, traditions, superstition and poetry. At 4 o'clock / OA Platonov. M.: Inst. Russian Civilization, 2014. 688 p.
2. Kaverin, V.A. Baron Brambeus. The story of O. Senkovsky, journalist, editor of the "Library for Reading" / V.A. Kaverin-M.: Fiction, 1966. 239p.
3. Krinichnaya, N.A. Russian mythology: The world of images of folklore. Moscow: Academic Project, 2004. 1008p.
4. Senkovsky, O.I. House notes: fantastic stories / O.I. Senkovsky. M.: True, 1990. - 406s.
5. Uspensky, BA Philological research in the field of Slavic antiquities / B.A. Assumption. Moscow: Izd-vo Mosk. University, 1982. S..

Практика формирования социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку

Бурлакова И.И.,
доктор педагогических наук, профессор, Москва, Россия

Социокультурная компетенция является одним из компонентов иноязычной коммуникативной компетенции. В её содержание входят социокультурные знания, опыт общения, личностное отношение к фактам иноязычной культуры и владение способами применения языка. Недостаточная сформированность социокультурной компетенции может стать причиной ошибок социокультурного характера. Формирование социокультурной компетенции представляет собой целенаправленный процесс с применением современных технологий (кейсов, технологии критического мышления, проектной деятельности, интерактивных технологий, игровых технологий, информационно-коммуникационных технологий), которые значительно повышают интерес обучающихся к иноязычному общению и расширяют знания о стране изучаемого языка.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, коммуникативная компетенция, формирование социокультурной компетенции, кейсы, технологии критического мышления, проектная деятельность, интерактивные технологии, игровые технологии, информационно-коммуникационные технологии.

Для цитаты:

Бурлакова И.И. Практика формирования социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Burlakova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Burlakova I.I. Practice of socio-cultural competence formation in foreign language classes [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Burlakova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Основной целью обучения иностранным языкам является формирование у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции, одним из компонентов которой, наряду с языковой и речевой, является социокультурная компетенция. Новый словарь методических терминов и понятий определяет социокультурную компетенцию как «совокупность знание о стране, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [2, 286 – 287]. Со стороны студентов целью изучения иностранного языка выступает желание свободно и грамотно общаться на этом языке, т.к. владение одним или двумя иностранными языками выступает своего рода социальным лифтом для молодёжи, повышая их мобильность и конкурентоспособность на рынке труда.

Содержание современного иноязычного образования направлено на обеспечение адекватного мировому уровню общей и профессиональной культуры молодого поколения. А формирование у обучающихся адекватной картины мира способствует эффективной интеграции личности в национальную и мировую культуру.

В федеральном государственном стандарте по иностранным языкам отмечается, что социокультурные характеристики становятся не дополнительными, а основными характеристиками образовательного процесса [8]. Без знания социокультурного фона нельзя сформировать коммуникативную компетенцию даже в ограниченных пределах.

Новый словарь методических терминов и понятий наряду с определением дает описание содержания социокультурной компетенции, которая может быть представлена в виде четырех аспектов: «...а) социокультурные знания (сведения о стране изучаемого языка, духовных ценностях и культурных традициях, особенностях национального менталитета); б) опыт общения (выбор приемлемого стиля общения, верная трактовка явлений иноязычной культуры); в) личностное отношение к фактам иноязычной культуры (в т. ч. способность преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении); г) владение способами применения языка (правильное употребление социально маркированных языковых единиц в речи в различных сферах межкультурного общения, восприимчивость к сходству и различиям между родными и иноязычными социокультурными явлениями)» [2, с.287]. Наличие у студента способностей к межкультурному общению предполагает формирование у него определённых качеств личности (психологической готовности к общению, терпимости, открытости, позитивного настроения). И, наоборот, недостаточная сформированность социокультурной компетенции или даже её отсутствие может стать причиной ошибок социокультурного характера.

Целенаправленное обучение иноязычной культуре мы используем не только как средство формирования социокультурной компетенции и, как следствие этого, навыка межличностного общения, но и как средство духовно-нравственного воспитания и обогащения духовного мира личности обучающихся через приобщение к знаниям культуры, истории, искусства, литературы, традиций и обычаев страны изучаемого языка в постоянном сопоставлении с фактическим материалом нашей страны [1].

По мнению Н.Д. Гальсковой, социокультурная компетенция в структурном плане является комплексным явлением и включает в себя набор компонентов, относящихся к различным категориям [3, 4]:

- лингвострановедческий компонент, включающий в себя знание лексических единиц с национально-культурной семантикой, умение применять их в ситуациях межкультурного общения. Отражением менталитета народа являются национальные пословицы и поговорки, фразеологизмы. Они дают знания учащимся о правилах и принципах общения представителей данной нации, о ценностях, о приоритетах.
- социолингвистический компонент (языковые особенности социальных слоёв, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов);
- социально – психологический компонент (владение социо- и культурнообусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре);
- культурологический компонент (социокультурный, историко – культурный, этнокультурный фон).

На первой ступени обучения иностранному языку большое значение имеет:

- формирование элементарных умений и навыков межличностного общения на иностранном языке с опорой на родной язык;
- стимулирование мотивации и потребностей к ознакомлению обучающихся с миром зарубежных сверстников и использование иностранного языка для этих целей.

На второй ступени обучения большое значение приобретает восприятие обучающимися иностранного языка как средства международного общения посредством:

- формирования социокультурных знаний;
- обогащения общего культурного и художественно-эстетического развития обучающихся в процессе знакомства с культурно-историческим и художественном наследием страны изучаемого языка;
- формирования умений презентовать лучшие образцы родной культуры и страну, в целом, в условиях иноязычного межкультурного общения [5].

На третьей (завершающей) ступени обучение иностранному языку необходимо обеспечить использование иностранного языка в ситуациях официального и неофициального общения. При этом в центре внимания – совершенствование культуроведческих знаний об образе и стилях жизни страны изучаемого языка.

Таким образом, социокультурная компетенция - это совокупность социокультурных знаний, адекватно используемых в межкультурной коммуникации. Не овладение социокультурной компетенцией в значительной мере затрудняет взаимопонимание и общение с представителями иноязычных культур [3, 4].

Формирование социокультурной компетенции представляет собой целенаправленный процесс с применением всех возможных современных технологий. Использование педагогом на занятиях по иностранному языку кейсов, технологии критического мышления, проектной деятельности, интерактивных технологий, игровых технологий, информационно-коммуникационных технологий значительно повышают интерес обучающихся к иноязычному общению, расширяя его предметное содержание [5].

Рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на каждой технологии в отдельности, поэтому мы представим краткий обзор тех приёмов, которые используем на занятиях по иностранному языку и вызывают наибольший интерес студентов, при этом обладают высокой результативностью в плане формирования социокультурной компетенции.

Технология проектной деятельности направлена на создание уникальной возможности для достижения успеха в освоении иностранного языка, для личностного роста обучающихся, ориентируя их на развитие познавательных интересов и раскрытие творческого потенциала. Об организации проектной деятельности написано много научно-методической литературы. Но одним из важных особенностей использования проекта в учебно-воспитательной деятельности педагога является возможность контроля и оценки достижения метапредметных результатов средствами преподаваемого предмета (личностных, познавательных, коммуникативных и регулятивных УУД). Алгоритмом проектной деятельности выступает следующая схема: определение проблемы → формулирование темы → постановка практико-значимой цели и задач → выдвижение гипотезы → создание проблемной ситуации → анализ проблемы → конкретизация и осмысление → реализация → презентация → рефлексия. Метод проектов позволяет повысить продуктивность обучения и обеспечивает его практическую направленность. Тематика проектных работ на занятиях по иностранному языку носит сопоставительный характер и имеет социокультурное или культуроведческое значение. В процессе работы над проектом студенты изучают, систематизируют и обобщают оригинальный материал.

Использование на занятиях по иностранному языку *технологии обучения в сотрудничестве* способствует созданию условий для активной совместной учебно-познавательной деятельности студентов. Интерактивное взаимодействие обучающихся в группах или парах предполагает практическое использование иностранного языка в ситуациях, моделирующих реальную действительность. Технология мотивирует студентов к

постоянному совершенствованию собственных речевых, коммуникативных и творческих способностей. Для формирования и дальнейшего развития социокультурной компетенции наиболее эффективными являются занятия, имитирующие какие-либо виды работ: путешествия, экскурсии, защиты проектов, ролевые игры, конкурсы, викторины и др. В процессе овладения социокультурными знаниями, обучающиеся значительно расширяют лексический запас, лингвострановедческий и страноведческий кругозор в различных видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении, письме.

Материалами для аудирования выступают *аутентичные тексты* информационно-справочного характера: музейная и туристическая аудиоинформация, объявления на вокзалах и в аэропорту, прогноз погоды, новости, спортивные репортажи, интервью, инструкции. Для студентов определенным интересом представляет чтение как вид речевой деятельности. Предлагаемые для чтения *тексты лингвострановедческого характера* несут фактологическую новизну, так как в них всегда встречаются реалии и множество фактов истории, традиций, особенностей страны изучаемого языка. С учетом направления подготовки и уровня владения языком студентам предлагаются аутентичные тексты и статьи различных стилей: научно-популярные, публицистические, художественные.

Газетные статьи мы рассматриваем как наиболее эффективное средство формирования социокультурной компетенции обучающихся, т.к. они обладают национально-культурным колоритом, проявляющимся на семантическом, синтаксическом, структурном уровнях. Иллюстративно-графические средства значительно усиливают вербальное воздействие сообщения и обладают широким спектром ассоциативных связей. Газетные и журнальные статьи являются богатым источником новой современной лексики, клишированных фраз, фразеологизмов, идиоматических оборотов, отражая динамику развития живого языка. Итак, знакомство с культурой страны изучаемого языка происходит посредством сравнения и сопоставления, оценки имеющихся фактов с вновь полученными [6].

Ролевые игры способствуют развитию коммуникативной компетенции, а вместе с ней в зависимости от сценария игры у студентов формируется и социокультурная компетенция. Идея использования ролевых игр в учебном процессе получила подкрепление со стороны теории социальных ролей, разработанной социологами Т. Парсонс, Т. Шибутани, Р. Липтон. Сторонники этой теории показали связь личности с окружающей его средой. Именно речевое и неречевое поведение определяет место человека в обществе. Понятие социальной роли выступает элементом общественных отношений. Ролевая игра носит характер уподобления, т.е. разыгрывается ситуация, типичная для окружающей среды, а иногда она может быть театрализованной, т.е. иметь конфликт, кульминацию и развязку. Особенно хорошо использовать такую ролевую игру в ситуациях межличностных конфликтов с представителями других культур, находя в развязке объяснение поведения человека другой ментальности [5].

По мнению А.В. Коньшевой, «Секрет популярности ролевых игр прост. Являясь учебной моделью межличностного группового общения, специфической организационной формой обучения устно-речевому общению, основанному на коммуникативном принципе, ролевые игры легко вписываются в урок и, кроме всего прочего, доставляют учащимся неподдельное удовольствие. Ролевая игра используется для решения комплексных задач усвоения нового материала, закрепления и развития творческих способностей, а также для формирования общеучебных умений. Она дает возможность понять и изучить учебный материал с разных позиций. Социальная значимость ролевых игр в том, что в процессе решения определённых задач активизируются не только знания, но и развиваются коллективные формы общения» [7, с.61].

Ролевая игра характеризуется: 1) особым отношением к окружающему миру, т.к. каждый участник одновременно находится в реальном мире и чужом; 2) субъективной деятельностью

участников игры, т.к. каждый участник может проявить индивидуальные качества и зафиксировать своё «я» не только в игровой ситуации, но во всей системе межличностных отношений; 3) Социально значимым видом деятельности, т.к. участник обязан играть потому, что сами условия игры исключают пассивную позицию; 4) Особыми условиями процесса усвоения знаний (теоретические и практические знания предлагаются участникам игры в ненавязчивой форме естественного общения, а не принудительного запоминания значительного объёма информации [7, с. 64].

Эффективным средством формирования социокультурной компетенции на занятиях по английскому языку выступает *национально-региональный компонент*. Использование краеведческого материала способствует сближению иноязычной коммуникативной коммуникации с личным опытом студентов, позволяя им использовать в учебной ситуации известную им информацию и факты, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. Такой материал позволяет моделировать и конструировать реальные коммуникативные ситуации (беседы о стране, столице, о родном городе с зарубежным гостем, подготовка и проведение экскурсий на английском языке и т.п.).

Общение с представителями других культур реализуется в полной мере и наиболее эффективно в случае, когда на занятиях по иностранному языку родной национальной культуре отводится достойное место. Интеграция регионального компонента в процессе преподавания иностранного языка становится как способом формирования различных видов компетенций, так и способствует воспитанию гражданской и патриотической позиции у студентов. Процесс овладения иностранным языком тесно связан с освоением особенностей национальной культуры, которая предполагает не только усвоение культурологических знаний, но и формирование готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения людей в целом.

Таким образом, социокультурный компонент содержания иноязычного образования играет существенную роль в личностном развитии студента, так как способствует не только знакомству с историко-культурным наследием страны изучаемого языка, но и позволяет произвести сравнительно-сопоставительный анализ культурных ценностей стран, что является основой для формирования общей культуры обучающегося. Именно социокультурный компонент расширяет общий и культурный кругозор студентов, социализируя их и стимулируя познавательные процессы.

Использование иностранного языка в коммуникативных целях требует определенного уровня языковой, речевой и социокультурной компетенции, которыми выпускники школ уже обладают. Иностранный язык в вузе выступает уже не предметом изучения, а средством, необходимым для осуществления реального общения между людьми разных стран и культур, средством познания мира и популяризации своей собственной культуры. Формирование социокультурной компетенции у студентов является необходимым условием профессиональной успешности и конкурентоспособности в будущем. Кроме того, социокультурный компонент содержания образования выступает стимулом повышения мотивации и эффективности в овладении иностранным языком на послевузовском этапе.

Литература

1. Бурлакова И. И., Коммуникативная компетенция как основа формирования профессионализма учителя иностранного языка // Сборник материалов Международного семинара-практикума «Иностранные языки в школе и вузе» в рамках XI Международной научно-практической конференции «Осовские педагогические чтения», 26 ноября 2017 г.: сб. науч. тр. по материалам конф. [Электронный ресурс] / Мордов. гос. пед.ин-т. – Саранск, 2017. – 1 электрон. опт. диск

Бурлакова И.И.
Практика формирования социокультурной компетенции
на занятиях по иностранному языку
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 1. № 1. С. 109-115.

Burlakova I.I.
Practice of socio-cultural competence
formation in foreign language classes
Language and Text langpsy.ru
1, pp. 109-115.

- (CD-ROM). – Режим доступа:
https://elibrary.ru/download/elibrary_26483141_69166543.pdf
2. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.*, Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения иностранным языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
 3. *Гальскова, Н.Д.* Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Н.Д. Гальскова / ИЯШ, 2004. - № 1. - С. 3 – 8.
 4. *Гальскова, Н.Д.* Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя / Н.Д. Гальскова. – М: АРКТИ-Глосса, 2000. - 165 с.
 5. *Колесникова, О.А.* Ролевые игры в обучении иностранным языкам / О.А. Колесникова // Иностранные языки в школе, 1989. - № 4. - С. 14 - 16.
 6. *Саланович, Н.А.* Обучение чтению аутентичных текстов лингвострановедческого содержания / Н.А. Саланович // Иностранные языки в школе. — 1999. - №1. - С. 18 - 21.
 7. *Коньшева, А.В.* Английский язык. Современные методы обучения. – Минск: ТетраСмстем, 2007. – 352 с.
 8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования [Электронный ресурс] URL: <http://standart.edu.ru/>.

Practice of socio-cultural competence formation in foreign language classes

Burlakova I.I.,
Doctor of Pedagogy, professor, Moscow, Russia

Socio-cultural competence is one of the components of foreign language communicative competence. Its content includes socio-cultural knowledge, communication experience, personal attitude to the facts of foreign language culture and knowledge of the ways of language using. The lack of readiness of social competence can become the cause of socio-cultural errors. The formation of socio-cultural competence is a purposeful process with the use of modern technologies (cases, critical thinking technology, project activities, interactive technologies, game technologies, information and communication technologies), which significantly increase the interest of students in foreign language communication and expand knowledge about the country of the studied language.

Key Words: sociocultural competence, communicative competence, formation of socio-cultural competence, case studies, critical thinking technologies, project activities, interactive technologies, gaming technologies, information and communication technologies.

References

1. Burlakova I. I., Kommunikativnaya kompetenciya kak osnova formirovaniya professionalizma uchitelya inostrannogo yazyka // Sbornik materialov Mezhdunarodnogo seminara-praktikuma «Inostrannye yazyki v shkole i vuze» v ramkah XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Osovskie pedagogicheskie chteniya», 26 noyabrya 2017 g.: sb. nauch. tr. po materialam konf. [EHlektronnyj resurs] / Mordov. gos. ped.in-t. – Saransk, 2017. – 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM). – Rezhim dostupa: https://elibrary.ru/download/elibrary_26483141_69166543.pdf
2. Azimov E.H.G., SHCHukin A.N., Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam). – M.: IKAR, 2009. – 448 s.
3. Gal'skova, N.D. Mezhkul'turnoe obuchenie: problema celej i sodержaniya obucheniya inostrannym yazykam// N.D. Gal'skova/ IYASH, 2004. - № 1. - S. 3 – 8.
4. Gal'skova, N.D. Sovremennaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku: posobie dlya uchitelya/ N.D. Gal'skova. – M: ARKTI-Glossa, 2000. - 165 s.
5. Kolesnikova, O.A. Rolevye igry v obuchenii inostrannym yazykam/ O.A. Kolesnikova// Inostrannye yazyki v shkole, 1989. - № 4. - S. 14 - 16.
6. Salanovich, N.A. Obuchenie chteniyu autentichnyh tekstov lingvostranovedcheskogo sodержaniya/ N.A. Salanovich // Inostrannye yazyki v shkole. — 1999. - №1. - S. 18 - 21.
7. Konyshcheva, A.V. Anglijskij yazyk. Sovremennye metody obucheniya. – Minsk: TetraSmstem, 2007. – 352 s.
8. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya [EHlektronnyj resurs] URL: <http://standart.edu.ru/>.